

Дмитрий Великорусов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЮНОСТЬ В КАНДАЛАХ

Дмитрий Великорусов

Юность в кандалах

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Великорусов Д.

Юность в кандалах / Д. Великорусов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Эта книга – описание пути становления личности шестнадцатилетнего юноши, попавшего в места лишения свободы. От «малолетки» до «взросляка», от московской «Петровки 38» до печально известной исправительной колонии города Энгельса. пытки, мороз и голод – книга отражает все лишения, которые прошёл автор в двухтысячных годах. Впервые, за многие годы после освобождения, автор решил сбросить груз памяти со своих плеч и рассказать о тех испытаниях, которые ему пришлось пройти. Без приукрас и фальши, без лицемерия и лжи. Только суровая правда о тюремной жизни, какой бы она ни была. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Дмитрий Великорусов

Юность в кандалах

*Посвящается памяти Владимира «Шульцгена» Бацева и Филиппа «Фила» Волкова.
Покойтесь с миром.*

Особую признательность выражаю тем, кто поддерживал меня на пути создания данной работы, тем, кто терпеливо ждал её издания (как известно, оно несколько затянулось), и отдельная благодарность Дарье К. за помощь в создании рукописи.

Пролог

Приветствую тебя, Читатель! В этой автобиографической работе описан путь моего взросления, значительный этап в жизни, оказавший на меня большое влияние.

Подробности некоторых фактов, описанных в данной книге, могут быть немного искажены ввиду срока давности – с момента большинства событий прошло более десяти лет. Много приходилось вытаскивать из далёких закоулков моей памяти, что-то вспоминать было тяжело, но я постарался изложить всю историю моего тюремного прошлого, без прикрас и бравад.

В России каждому известна пословица: «От сумы да тюрьмы не зарекайся». А я понимал, на что иду, осознавая, что рано или поздно попаду в места лишения свободы, поэтому морально был к этому готов.

Несмотря на то, что нынче в колониях упразднили самодеятельные организации осужденных, многое в лагерях осталось по-прежнему. До сих пор льётся по России кровь зеков от Волги до Амура, и матери по-прежнему оплакивают замученных до смерти сыновей.

Описывая этот период своей жизни, я старался изложить всё, что смог вспомнить. Где-то Вам станет грустно, где-то смешно. В каких-то моментах можно посчитать меня конченной сволочью, а где-то, возможно, восхититься. Но обещаю одно: будет интересно.

Особо впечатлительных предупреждаю: в книге немало жаргона и мата, но без них потерялся бы стиль повествования. Непонятные обывателю слова я постарался разъяснить в тексте и сносках, но для особо забывчивых в конце книги есть словарь тюремного жаргона, так как повторяться я не намерен.

Итак, погналы!

Арест

– Мордой в землю! – неожиданный удар сзади сбил меня с ног, повалив на грязный асфальт.

Оглянувшись, я заметил несколько мужчин в кожаных куртках, которые следом уронили моего друга Санька.

– Вы чё, твари?! – я попытался встать и получил удар ногой, после чего мне начали заламывать руки за спиной.

– Лежать, сука, милиция! – на очередную попытку вырваться меня ткнули лицом в снег, перемешанный с грязью. Последний возглас не оставил сомнений: нас приняли.

Был 2006 год, середина марта – месяц, который считался аномальным из-за небывало сильных морозов. Нас задержали около общежития, у станции пригородных поездов. Мы направлялись в ближайший магазин за сигаретами.

Вова «Шульцген», третий из нас, шёл чуть впереди. Увидев, как нас кладут на землю прямо в грязь, и поняв, что это менты – он выбрал место почище и лёг на снег добровольно. Хитрец.

Подняв с земли, опера поволокли нас к стене общежития, где начали ставить на растяжку¹ для обыска, при этом осыпая ударами.

– Вы что творите-то, п*дарасы?! – заорал я, пытаюсь сопротивляться, о чём сразу пожалел, так как в ответ меня крепко приложили головой об стену, разбив лоб до крови.

После обыска на руки надели наручники и повели в ОВД², которое находилось буквально в пяти минутах ходьбы от места задержания. Мои подельники³ сопротивления не оказывали, поэтому их вели в нормальном положении, держа под руки. Мне же два опера заломили руки и поволокли в отдел «ласточкой»⁴.

В отделении нас рассадили по отдельным кабинетам, лишив какой-либо связи между собой. Зашёл сотрудник в форме и, присев рядом, окинул меня сочувствующим взглядом.

– Ну что, сейчас поедешь сидеть надолго. Стоило оно того?

– Я не знаю, о чём идёт речь! – про используемые сотрудниками следственных органов игры в «хорошего и плохого полицейского» я знал, и этим меня было не провести, хоть он и не был похож на следака или опера, плюс к этому, сидели мы в небольшом зале совещаний, а не стандартном кабинете для допроса.

– На ногах что, кровь? – он смотрел на штанину моих джинсов, которая по колено была в засохшей крови.

– Нет, грязь, – дерзко ответил я. Что-что, а юношескую наглость у меня было не отнять. Мент поглядел на меня и, махнув рукой, встал с кресла.

– Домой дайте позвонить, родители будут волноваться! – решился я на просьбу, понимая, что сегодня они меня уже вряд ли увидят.

Он окинул меня долгим взглядом и снова присел рядом.

– Давай номер, так и быть, позвоню.

Я продиктовал номер домашнего телефона, который он записал в блокнот. После этого сотрудник встал, поправил форму и пошёл к выходу из кабинета.

– Спасибо! – сказал я вслед.

Где-то через час в кабинет завели одного из потерпевших на опознание.

– Он?!

– Да, он! – потерпевший испуганными глазами смотрел на меня, сидящего в наручниках, боясь пройти в дверной проём.

– Уведите!

Потерпевшего увели, и я снова остался в кабинете один. На окнах были решётки, и побега они не боялись. Да и куда бежать? ОВД обнесено высоким забором, у ворот охрана, руки в наручниках. Этот вариант я даже не рассматривал.

Вскоре за мной пришли и повели по лестнице на второй этаж в оперчасть. Завели в кабинет, где сидело три нагло ухмылявшихся опера. Посадили на стул.

– Ну, давай, рассказывай. Где был в пять часов дня? – опер за столом пристально смотрел на меня. – Расскажешь всё как есть, пойдёшь домой.

Я начал рассказывать заранее обговорённую историю о том, как с друзьями гулял в парке Кузьминки. Из парка мы поехали на метро до своей станции, а оттуда на автобусе до района, где и были задержаны. Опер не торопился записывать.

¹ Стандартная поза для обыска, при которой подозреваемый/осужденный стоит лицом к стене, растянув ноги и руки выше ширины плеч

² Отдел внутренних дел

³ Лица, обвиняемые по одному уголовному делу

⁴ Положение для перемещения подозреваемого/осужденного, при котором руки в наручниках заломлены до упора вверх, а лицо опущено взглядом в землю

– Ну что, не хочешь по-хорошему, будем по-плохому! – сказал он, и все трое двинулись в мою сторону. Как потом выяснилось, один из подельников сказал, что из Кузьминок мы шли пешком, а другой, что сразу доехали на автобусе. Идиоты.

Втроём опера завалили меня на стол, и самый здоровый боров весом от ста килограмм, сел мне на спину. После того как он укрепился у меня на спине своей жирной задницей, мне начали отбивать почки. Временами опера сменяли друг друга, нанося мне удары в разные части тела, стараясь попадать по органам. В соседнем кабинете орал от боли Шульцген, которого били дверью. Били с небольшими паузами, во время которых снова сажали на стул и требовали признание. В ответ на отказ пытки возобновляли. В один из таких моментов, когда я «отдыхал» на стуле, в кабинет ворвался мужчина кавказской внешности, как потом выяснилось, начальник оперчасти.

– Что, бандиты? – спросил он.

Получив от оперов утвердительный ответ, он нанёс мне удар ногой в лицо, от которого я слетел со стула, и ретировался из кабинета.

Били нас всю ночь. Часам к шести утра мне принесли показания подельников с полным раскладом⁵, помимо которого они ещё приписали на себя такие детали, каких на самом деле и не было. Я понял, что всё потеряно, и пошёл в сознанку⁶.

Делюга

В день ареста мне нужно было получить пособие по безработице. Будучи несовершеннолетним, я бросил учёбу и почти не работал. В груди горел огонь, и в силу возраста я не видел другого пути борьбы с творившейся вокруг, на мой взгляд, несправедливостью, кроме старого доброго уличного насилия.

Первая половина двухтысячных годов – дух постперестроечного поколения рабочих окраин. Пособия по безработице, бритые наголо головы, куртки-бомберы⁷, высокие ботинки со стальными носами, размалёванные девушки-панкушки, тусовки, пьянки, драки. Но в то же время желание сделать мир и страну лучше, ненависть ко всем, кто наносит ей вред.

Мы с Саньком, который тоже не учился, поехали с утра в банк за выплатой пособия. Получив деньги, решили выпить и вернуться обратно на район. Там встретились с Шульцгеном и выдвинулись в шарагу⁸, в которой ранее учился и я, и Саня, чтобы выпепить там знакомых и пойти тусить дальше. Так как мы уже поддали алкоголя, да и не слабо, я неоднократно говорил, что идём до шараги спокойно и ни на кого не прыгаем⁹. У меня были обоснованные подозрения, что за нами установлена слежка. Но Сане всегда срывало крышу по синьке. Вдали, мимо мусорных баков шло «тело» из тех самых лиц, к которым мы не питали особой любви. Саня сорвался с места и побежал в его сторону.

– Стой! – заорал я, но он меня уже не слышал.

Подбежав к терпиле¹⁰, Саня нанёс ему несколько ударов в лицо и, схватив с помойки доску, сломал её тому о спину. Терпила завизжал и бросился бежать, Саня за ним.

Так как среди друзей были негласные правила единства, солидарности и взаимопомощи, то нам уже не оставалось ничего делать, как побежать за другом. «Тело» забежало в подвал, Саня за ним. Мы с Шульцгеном, добежав до подвала, спустились следом. На входе я взял в руки черенок от лопаты, так как не знал, что ожидает нас внизу. Шульцген последовал моему примеру. Спустившись в подвал, мы увидели терпилу, на которого прыгнул Саня, сидевшего

⁵ Подробное изложение ситуации

⁶ Признать себя виновным в совершении преступления

⁷ Куртки модели МА-1

⁸ Колледж, бывший техникум

⁹ «Прыжок» в жаргоне скинхедов и футбольных хулиганов означает нападение

¹⁰ Потерпевшему, по материалам уголовного дела

за столом около входа, и ещё одного парня, стоящего поодаль с чем-то в руках, с чем именно, разглядеть было невозможно: царил полумрак. Саня стоял рядом с ними и яростно о чём-то рамсил¹¹. Я решил не терять времени зря, перехватил черенок поудобнее и понёсся вперёд с боевым кличем.

Вскоре всё было закончено. Один из потерпевших лежал в луже крови на полу без сознания. Терпилу, сидевшего за столом, я почти не трогал. Именно он потом опознал меня в ОВД. Ещё один их товарищ, крупного телосложения здоровяк, забился под кровать в соседней комнате, спрятавшись от нас. Ни я, ни Саня, его не заметили, а Шульцген видел, но ничего нам не сказал. Шульцген, надо заметить, в отличии от меня и Санька, не трогал вообще никого, лишь стоял на входе с черенком и смотрел, чтобы никто из жертв не убежал. В показаниях, которые мне принесли опера, он через пытки оговорил себя, как и Санёк, заявивший, что удары терпилам наносили все. Лишь в моих показаниях была указана правда.

После избиения мы, выйдя из подвала, заперли потерпевших на замок и ушли. Через несколько часов нас задержали.

Журналисты

После дачи показаний нас повели в обезьянник. Он представлял из себя помимо клетки, в которой томился какой-то алкоголик, несколько камер, на полу которых был постелен твёрдый настил. Сотрудники после очередного обыска забрали шнурки, зажигалку, деньги, сигареты, нательный крестик¹² и «железный крест», который я носил рядом с ним на шее. Завели всех в разные камеры.

Ложиться на настил в камере, где, видимо, неоднократно отдыхали бомжи и другие асоциальные элементы, мне не хотелось, поэтому я ограничился тем, что присел на него. Всё тело болело от ночных пыток. Сам не заметил, как задремал сидя, упёршись головой в колени, а к одиннадцати утра уже разбудили.

– Давай, пошли. В кино сниматься будешь! – конвоир вывел меня из камеры.

Привели в коридор, где уже стояли подельники.

– В новостях показывать будут, – прошептал Шульцген.

Ко мне подошёл тот мент, который обещал позвонить родителям, и отвёл в сторону. Своё обещание, надо заметить, он сдержал.

– Не вздумай там говорить, что вы скинхеды. Ты же понимаешь, тебя УБОП¹³ задерживал?! Это даже не наша юрисдикция!

Раз УБОП, значит, мои подозрения насчёт слежки были оправданы.

Сначала нас снимали журналисты с телеканала НТВ. Меня и Санька повели в зал совещания. Съёмка была скучной: вопросов толком не задавали, свою точку зрения высказать не дали, попросили Санька попозировать с черенком от лопаты, который уже являлся вещественным доказательством, отчего тот знатно повеселился. Потом показушно снимали в несколько дублей, как конвоиры ведут нас по коридору в наручниках. Цирк.

Затем привели журналистов с Третьего канала, передача «Город». С ними уже было поинтереснее. Пошли вопросы: «Зачем вы это сделали?», «Какие ваши цели?». Я решил воспользоваться предоставленной платформой и начал критику государственного режима, заявив, что власть в Москве вытесняет коренное население иммигрантами, и отпустил другие не менее радикальные политические высказывания. Мент, который просил меня скрыть от журналистов мои взгляды, смотрел на меня укоризненно из угла. А мне было всё равно. На тот момент я не думал, что на меня из-за этого могут повесить дополнительно какие-либо статьи УК¹⁴.

¹¹ Конфликт, спор

¹² Подследственным можно только деревянные кресты

¹³ Управление по борьбе с организованной преступностью

¹⁴ Уголовного кодекса

Эти записи по ТВ я не видел до сих пор. А жаль: интересно было бы посмотреть на себя со стороны – избитого и с бодуна, толкавшего политические речи. Зато сюжеты видели множество знакомых и родных. О нас говорили на трёх каналах и писали в газетах «Московский Комсомолец» и «Комсомольская правда».

После интервью нас развели обратно по камерам в обезьянник дожидаться отправления на ИВС¹⁵. После съёмки я был взбудоражен и спать не хотелось, больше думал о будущем и о тюрьме. Перед арестом мне неоднократно снилась тюрьма. Во сне камеры в тюрьме были маленькими, одноместными, без освещения и с кирпичными стенами. Сейчас же, наяву, думая о том, как я буду заходить в тюремную камеру, я представлял узкую комнату со шконками¹⁶ вдоль стен и кучей расписных¹⁷ зеков. Я уже знал, что на ИВС малолеток сажают вместе с взрослыми зеками, и общение с криминальным контингентом мне вскоре предстоит. Страшно не было. До этого я уже был условно судим за причинение тяжких телесных повреждений¹⁸ и понимал, что с таким образом жизни, какой я вёл, я мог сесть. Время шло жутко медленно, сильно тянуло курить, но курить не давали, и уже хотелось домой. Но я отлично понимал, что домой попаду нескоро.

Вечером за нами приехали.

Первая судимость

Первую судимость я получил, будучи пятнадцатилетним юнцом. До этого уже попадал на учёт в детскую комнату милиции за драки и вандализм, но до суда дело не доходило.

На момент совершения преступления мне было четырнадцать лет. Я гулял с друзьями по деревне, где мои родители владели дачным участком. Дружил я с двумя братьями, из местных, а третий паренёк был их товарищем. Братьев в деревне не особо любили. Они были из семьи алкоголиков и держались от всех обособленно. И это несмотря на то, что в деревне у каждого второго местного родители либо сидели по тюрьмам, либо пили.

В то время в деревнях, как, собственно, и в Москве, процветала территориальная вражда. В Москве тебя могли избить за то, что ты с другого района, а в деревне за то, что из Москвы. Со многими местными, в том числе и старшаками¹⁹, у меня были хорошие отношения, и то, что я москвич, никогда прежде не создавало мне проблем. Однажды даже был случай, когда парня из Раменского, который был взрослей меня и сильней, избил старшак за то, что тот пытался до меня докопаться.

– Ты чё на наших? На местных?! – орал при этом старший, прекрасно зная, что я из Москвы.

И вот однажды мы гуляли вчетвером по деревне, а у меня с собой был обломок от бейсбольной биты, которую я сломал об семафор на железнодорожных путях. Не спрашивайте зачем, маленький был, дурачок. Обломок был небольшой – ударная часть биты. Уже не помню почему, но я не стал его выкидывать и хотел отнести домой. Вдруг смотрим, а на нас бежит толпа человек из пятнадцати – местная шпана, вооружённая кольями от забора. Причину я так и не понял, видимо, подумали, что мы не местные. Но вступать в переговоры было опасно, и мы рванули от них бежать.

Дима, старший из братьев, ныне покойный, побежал от них другим путём, через поле. А мы втроём с его младшим братом и их другом побежали по улице через жилой сектор. Бежали долго, но преследователи не отставали. Через какое-то время мы выдохлись, и спастись бегством уже не было сил.

¹⁵ Изолятор временного содержания

¹⁶ Тюремная кровать

¹⁷ Имеющих множество тюремных наколок

¹⁸ Ст.111 ч.2, п. «д» УК РФ

¹⁹ «Старшие», «старшаки» – более взрослые подростки, либо мужчины, которые были среди подростков при авторитете и решали все возникающие вопросы

– Давайте отмахиваться! – сказал я, остановившись.

Мы встали посреди просёлочной дороги, готовые вести бой. Сзади была трасса, впереди поле, с которого приближалась шпана «на говне»²⁰, по бокам заборы. Большая часть местных отстала, и вперёд вырвалось лишь несколько человек.

Один бежит на меня с дубьём и орёт:

– Давай махать!

– Ну, давай! – ответил я и нанёс ему удар обломком биты по голове.

От всплеска адреналина и, что лукавить, страха, мой удар получился громадной силы. Как потом выяснилось, я сломал ему лобную кость, поставил тяжёлую черепно-мозговую травму и нанёс этим ударом ещё целый список повреждений. Он, как подкошенный, сразу рухнул на землю. Дубьё упало рядом с ним, кисть его руки дёргалась, а я и не понял, что причиной этому конвульсии. Мне показалось, что он пытается подобрать дубину, и я слегка ударил ему по руке ногой, после чего забрал палку. В это время брат Димы, по погонялу Рыжий, и второй парень отмахнулись от двух других.

– Побежали! – выкрикнул я, и мы рванули подальше от приближавшей толпы разъярённых местных.

Вскоре мы оторвались, и нас нагнал Димон. Вместо того, чтобы пойти по домам, мы решили спрятаться в пустом гараже на одном из участков нашей улицы. Хозяин гаража отсутствовал в деревне, поэтому быть обнаруженными не боялись. Сидя там, думали, что делать дальше. Братья боялись идти домой, потому что их узнали, а я остался с ними из чувства дружеской солидарности. Вскоре мы заметили отца братьев, ранее судимого алкоголика, который проходил мимо гаража, направляясь домой. Мы решили выйти из укрытия. Но как только подбежали к нему, то заметили, что через заборы соседних участков лезет местная шпана, смыкая вокруг нас кольцо. Их собралось уже человек двадцать, среди них были не только те, кто нас преследовал. Самые старшие подбежали ко мне.

– Ты в курсе, что Вася из-за тебя в реанимации умирает?! – удар в челюсть сбил меня с ног.

Упав на землю, я лишь успел закрыть голову и прижать ноги к корпусу, как сразу ощутил множественные удары ногами по всему телу. Били меня все, кому не лень. Братьев не тронули, но немного досталось их другу, который попытался заступиться за меня. К слову, отец братьев тоже нанёс мне пару ударов ногой. Это, наверное, было самое обидное. Если бы мы к нему не вышли, то не попались бы.

После избияния меня подняли с земли и повели домой. Бросив у калитки, ушли. Жутко болели рёбра и голова. Я получил очередное сотрясение мозга. Родителям рассказал всё, пояснив, что нужно срочно уехать в Москву. Я понимал, что теперь в деревне мне жизни нет.

Спустя месяца три проснулся рано утром от настойчивых звонков в дверь. Оказалось, я был в розыске и домой приехали опера.

Вместе с ними и отцом поехали в УВД Раменского района. На меня было заведено уголовное дело по 111 ч.2, п. «д» УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений. На время следствия в тюрьму сажать не стали, оставили под подпиской о невыезде.

Когда зачитывали показания потерпевшего и свидетелей, которыми стали мои «друзья», я был в шоке. По их показаниям выходило, что потерпевший шёл по улице, никого не трогал, а я налетел на него, пробил голову и ретировался. И толпой нас якобы не преследовали, и никакого оружия у них не было. Жаль, что на суде и на очной ставке был только потерпевший, но не было свидетелей, которым я мог бы взглянуть в глаза за их ложь. Надо отметить, что

²⁰ Аргументами или говном в сленге футбольных хулиганов и скинхедов называются подручные средства, используемые при драке

покойный Дима, который побежал окольными путями и в драке не участвовал, против меня показаний не давал.

Отцом потерпевшего был бывший зек, весь забитый тюремными партаками²¹, с синими выцветшими наколками-перстнями на обоих пальцах руки. Его знало всё Раменское УВД, и мусора уважительно с ним здоровались. Несмотря на свои блатные наколки, он начал угрожать мне тюрьмой.

– Вот закроют тебя, отпетушат на малолетке! – угрожал он.

– Хорош авторитет, – ответил я. – Весь в мастях, а сын – терпила!

Он побагровел и чуть не накинулся на меня, но был пресечён моим отцом. Батя вывел его во двор, и после разговора с ним зечара больше не говорил мне ни слова.

Чтобы нанять мне адвоката, родителям пришлось продать дачный участок в деревне, где было совершено преступление. На приговоре я получил три года условно и полтора испытательного срока. То есть, согласно приговору суда, если за полтора года я ни разу не буду привлечён к уголовной либо административной ответственности, то судимость гасится. Но если в чём-то провинюсь, то отправлюсь отбывать три года на малолетку.

После приговора ехал на электричке радостный домой, светило августовское солнце, и мой юношеский ум представлял, как будто я откинулся с зоны, не зная, что через какое-то время окажусь там на самом деле. В феврале 2006 года я отгулял испытательный срок и погасил судимость, в марте 2006 был задержан сотрудниками УБОПа.

ИВС

Я думал, что привезут нас в ИВС по месту жительства. Районный изолятор находился в Капотне, о его запущенности я был наслышан, и меня удивило, что воронок²² привёз нас в чистенькое отремонтированное здание. Как выяснилось, это оказалась легендарная «Петровка, 38», где находился ИВС при ГУВД Москвы. Направили нас сюда, потому что делом занимался УБОП.

Заведя внутрь здания, посадили в «боксы»²³ отдельно друг от друга. Я присел на небольшую лавочку и стал ждать. Время тянулось утомительно медленно, сильно хотелось курить. Через несколько часов дверь бокса открылась, и меня повели на выход. Завели в комнату для обыска, где приказали раздеться до гола и тщательно обыскали каждый сантиметр моей одежды, включая нижнее бельё. Такой тщательный обыск я видел только там. После осмотра оделся, и меня повели в камеру.

Камера представляла собой небольшое узкое помещение, в котором стояло две одноярусных шконки. На единственном окне было множество решёток, полностью закрывавших обзор. Как выяснилось позже, это было для того, чтобы заключённые не налаживали²⁴ «дорогу» – верёвочную связь между камерами. У стены стоял стол, скреплённый с лавкой, а справа от входа раковина и отхожее место, схожее с тем, что было на вокзалах – загаженная дырка в полу. Ни перегородки, ни занавески не было. Хотя я никогда и не был домашним мальчиком, но мне, привыкшему к уютному туалету, поначалу казалось ужасным справлять большую нужду при ком-то, да ещё и сидя на корточках, от чего в первые дни с этим была проблема.

В камере был всего один заключённый – худой мужчина лет сорока, почти без наколок на теле, но видно, что бывалый.

Он сразу начал объяснять мне тюремную «феню»²⁵.

²¹ Партаком называется либо тюремная наколка, либо криво набитая татуировка. В данном контексте именно наколка

²² Милицейский автомобиль для перевозки заключённых

²³ Помещение для одного человека, площадью метр на метр. В боксе держат заключённых за пределами камеры, во время ожидания каких-либо действий

²⁴ Тюремную дорогу именно налаживают. Наладить дорогу – установить связь между камерами

²⁵ Уголовный сленг

– Вот это фаныч! – он взял алюминиевую казённую кружку в руку.

– А это дубок и козла²⁶! – указал на стол и скамью, соответственно.

– Это дальняк! – махнул рукой в сторону сортира.

– Вообще, малой, запоминай, на малолетку ведь едешь! – зек явно был рад соседу по камере.

О деле он почти не расспрашивал, поинтересовался уголовной статьёй и больше не задавал вопросов. Зато с увлечением рассказывал о малолетке, с которой, как выяснилось, сам начинал тюремную карьеру.

– Вот сейчас у вас вообще лайтово²⁷ там. А в наше время как было. Мать на свиданку в красном пришла – запаadlo на свидание идти! – увлечённо рассказывал он, поблёскивая фиксами²⁸ в зубах.

– Так а что запаadlo, то? – недоумённо спрашивал я. Красный цвет ассоциировался у меня только с коммунистами. Хотя ушёл я недалеко от истины.

– Так мусорское же! Власть красная была, и мусоров красными называют с тех пор! – объяснил он и продолжил.

– Если во время обеда в столовой над зоной самолёт летит, все должны тарелки на голову одевать! И не важно: есть в них еда или нет. Как шлемы. Отсюда и название их на фене (он взял в руку казённую алюминиевую тарелку) шлёмки!

Моё богатое воображение рисовало в голове столовую из детского лагеря, где сидят сотни бритых наголо зеков с алюминиевыми тарелками на головах.

– Что ты веселишься?! Я серьёзно! – он казался оскорблённым. – Сало тогда не ели, сыр, колбасу тоже.

– А это-то почему не ели? – удивлялся я.

– Сало с п*зды свисало, колбаса на х*й похожа!

– Ну а сыр?!

– Сыр п*здятиной пропах!

– А что ели-то тогда?!

– Баланду²⁹! – сплюнул он в дальняк и вышел на середину камеры. – Ты главное, малой, на малолетке ничего не бойся! И будет у тебя всё ништяк. Запомни принцип «не верь, не бойся, не проси». По приезду в хату будет «прописка». Тут будут проверять тебя на прочность. В игры играть. Ты соглашайся, это обязательно, но слабость не показывай. На малолетке, да и вообще в тюрьме, слабых сжирают. В карты на «просто так» не играй. Просто – это жопа. Так – это х*й.

Кормили на «Петрах», как их называли сами заключённые, хорошо. Говорят, что баланду привозили из столовой, в которой питались сами сотрудники учреждения.

Мне, целыми днями проводившему время на улице, питавшемуся порой одним хлебом с майонезом да курицами гриль вперемешку с алкоголем, местная еда вообще показалась роскошью. Тут тебе и картофельное пюре с сосисками, и компот, и вкуснейшие супы, и яйца. Полноценное трёхразовое питание.

В камере сутками горел свет, который не выключали даже на ночь, дверной глазок открывался каждые пять минут, а с подъёма до отбоя играло радио с высоко встроенных над дверью колонок. В шесть утра из радио раздавался гимн Российской Федерации, и менты начинали обход. После обхода на кровати лежать разрешалось, но она должна была быть заправленной. Передачи по радио были скучными, одна ретро музыка да нудные эфиры. Зато каждый день приносили свежий номер «Московского Комсомольца», и, помимо общения с соседом, можно

²⁶ С ударением на «о»

²⁷ Легко

²⁸ Металлические коронки на зубах

²⁹ Казённую тюремную еду

было развлечь себя чтением и разгадыванием кроссвордов. Соседа о тюрьме я почти не спрашивал, больше был на своих головняках³⁰. Нехватка свободы ещё особо не ощущалась, но нервяк был ощутимый из-за незнания того, сколько мне светит провести за решёткой.

На второй день пребывания в ИВС меня повезли на суд для избрания меры пресечения. Перед заседанием в первый раз после ареста увиделся с родителями. Отец лишь молча передал сигареты. Мать еле держалась, чтобы не расплакаться. Сказали, что Вова пойдёт домой под подписку, а нас с Саней, скорее всего, посадят. Денег уже не было, и мне выделили государственного адвоката.

На суде избрали меру пресечения. Как и ожидалось, Шульцгену, как самому младшему и ранее не судимому, дали подписку о невыезде, мне и Сане избрали меру пресечения в виде заключения под стражу. Мне потому, что был ранее судим, несмотря на то, что судимость была погашена. А Саня уже и так ходил под подпиской о невыезде за грабёж. На самом деле это было сфальсифицированное обвинение, за полгода до ареста он избил сына начальника УВД, за что на него завели уголовное дело. Но он ничего с него не требовал и не отнимал, избил за панк-рокерский прикид.

Вменяли нам две 162³¹ статьи, третью и вторую часть. Третью из-за того, что преступление произошло в помещении, а второй левый эпизод вклеили «паровозом» без признательных показаний. Якобы потерпевший, которого мы в глаза не видели, нас опознал.

Один из потерпевших, которого я избивал черенком от лопаты, попал в реанимацию, чуть не расставшись с жизнью. Тяжесть вреда здоровью тогда квалифицировали по времени проведения в больнице, а так как мой терпила был нелегалом, то после перевода из реанимации в больницу его долго не держали, несмотря на причинённый вред здоровью. Он был выписан недели через две после поступления. Поэтому причинение тяжкого вреда здоровью нам нельзя было инкриминировать, но закрыть требовалось. Опера с показаний потерпевших приписали к делу вымышленные сто (!!!) рублей, которые мы якобы требовали во время избиения. А это уже не хулиганка, это разбойное нападение. Их задачей было приземлить³² нас, а уже потом крутить на дальнейшие дела. По второму, левому сфабрикованному делу, мы вообще якобы избили нелегала из-за сигареты. Разбойное нападение? Абсурд!

Пятый централ

После избрания меры пресечения нас повезли из суда на ИВС, дожидаться отправления в тюрьму. Сосед по камере сразу мне разъяснил разницу между тюрьмой и зоной. На свободе говорят: «сел на зону», обобщая эти два понятия, но на самом деле тюрьма и зона разные вещи.

Зона – это колония, или как ещё говорят, лагерь. Есть колонии воспитательные, есть зоны общего, строго и особого режимов, есть колонии-поселения, но различные названия, кроме «посёлка»³³, общей сути почти не меняют. Отличия лишь в контингенте. В воспитательной колонии сидят несовершеннолетние преступники. На общем режиме в основном первоходы³⁴ либо осуждённые по лёгким и средней тяжести статьям. Но часто попадают и «тяжеловесы»³⁵ с большими сроками за тяжкие и особо тяжкие преступления. На строгом сидят зеки уже знакомые с тюремной жизнью, либо с рядом тяжких и особо тяжких статей. На особом режиме, который ещё его называют «полосатым» из-за полосок на робе³⁶ арестантов, сидят в основном рецидивисты, у которых за спиной десятки лет отсиденного и куча ходок³⁷. Тюрьмой называ-

³⁰ Переживаниях

³¹ Разбойное нападение

³² Посадить

³³ Колонии-поселения

³⁴ Первый раз попавшие в места лишения свободы

³⁵ Осуждённые на срок заключения более пятнадцати лет.

³⁶ Форменная одежда заключённых

³⁷ Срок отбытый в местах лишения свободы

ется СИЗО, где сидят под следствием и «крытая» – тюремный режим в отдельных тюрьмах для осужденных. На крытках отбывают часть срока «тяжеловесы» по решению суда либо осужденные, высланные в тюрьму из колонии за злостные нарушения режима содержания. Примером крытой является воспетый Михаилом Кругом Владимирский централ. Ну а мне предстояло ехать на пятый централ³⁸, где была единственная в Москве тюрьма для несовершеннолетних преступников.

Задержали меня в среду, а уже на следующей неделе в понедельник вечером повезли из ИВС на³⁹ тюрьму. Ехали недолго, и вскоре воронок остановился во дворе следственного изолятора, где нас с Саней встретили сотрудники ФСИНа⁴⁰. Их форма была не милицейской, как у сотрудников с Петровки, а камуфляжной, армейской. Перед входом в здание сняли наручники и провели на «сборку» – большое помещение на первом этаже изолятора с лавкой вдоль стены и дальномером в углу. Окна и шконки отсутствовали.

Саня держался на позитиве и будто радовался тому, что попал в тюрьму, а у меня на душе скребли кошки, в основном из-за того, что понимал: светит мне лет семь. Но вида я не подавал. Да и в целом пока это ощущалось как некое приключение, неизвестно правда, когда ему наступит конец. Со сборки нас вывели на медосмотр. Кабинет находился на том же этаже, буквально напротив сборки. Врач-азиат осмотрел нас на предмет синяков и взял кровь из вены. Синяки и ушибы присутствовали с момента допроса в ОВД, но, если бы они были свежими, то тюрьма бы не приняла. Тогда идёт возврат обвиняемого на ИВС и освидетельствование.

После медосмотра нас провели обратно на сборку. На мне была одета чёрная футболка, на которой скинхед держал в руке российский флаг, с надписью ниже: «Вставай, Россия!». Саня попросил подогнать ему её, сказав, что хочет зайти в ней в камеру. Мне было всё равно, голова забита другим, и я, махнув рукой, отдал её ему, надев водолазку, которую носил из-за морозов под олимпийкой фирмы Umbro.

Пятый централ представлял собой два корпуса: старый и новый. Соединял их длинный железный подвесной тоннель, называемый между зеками «кишкой». На старом корпусе была взрослая тюрьма, лишь только на первом этаже – «копейках» – находилось несколько камер для несовершеннолетних. Копейки были названы так из-за нумерации камер, начинавшейся с сотых чисел. На новом корпусе находилась малолетка и камера для женщин из шестого централа⁴¹. Дамы были из «хозбанды», так назывались осужденные, добровольно оставшиеся отбывать срок в СИЗО в хозяйственной службе. Этажи на новом корпусе тоже имели свои названия по нумерации камер. Пятёрки – первый этаж, шестёрки – третий, семёрки – четвёртый. На втором этаже – между пятёрками и шестёрками – располагались административные кабинеты.

Путь на новый корпус, где находилась малолетка, проходил через «кишку». По ней нас и повели в каптёрку на первом этаже. Там нас встретил взрослый зек из хозбанды, который выдал поношенную, потёртую робу и матрац. Помимо матраца я получил две простыни, наволочку, подушку и тонкое шерстяное одеяло. Вопреки законам, которые подразумевают то, что заключённые носят униформу только после вступления приговора в законную силу и прибытия в колонию, подследственные на малолетке носили робу. Кто отказывался – закрывали в ДИЗО⁴². Законы режима содержания осужденных я тогда не знал, поэтому взял робу как положенное.

³⁸ СИЗО 77/5. Централом называются центральные тюрьмы

³⁹ Это не грамматическая ошибка. На фене часто говорят не «в зону», не «в тюрьму», а «на зону», «на тюрьму» Особенности диалекта криминальной речи

⁴⁰ Федеральная служба исполнения наказаний

⁴¹ СИЗО 77/6 г. Москвы, где под следствием сидят женщины и бывшие сотрудники правоохранительных органов

⁴² Дисциплинарный изолятор, карцер, ничем не отличавшийся от ШИЗО (штрафного изолятора) у взрослых

Из личной одежды в камеру полагалось только нижнее бельё и футболка. Куртку, джинсы и олимпийку мне пришлось отдать каптёру, который поместил её в баул⁴³ с моей фамилией.

После того, как мы переоделись, Саню повели на шестёрки. Ну а моя камера располагалась на пятёрках, поэтому до неё пройти пришлось лишь по коридору. На табличке у входа была написана аббревиатура «з/к» и число, обозначающее количество арестантов в камере. Мне сразу стало понятно, откуда аббревиатура «зек». Сотрудник подвёл меня к двери и, открыв её, запустил внутрь.

Первым впечатлением было то, что в камере темно. В отличие от постоянного освещения на Петровке, 38, здесь горел только ночник над дверью. На шконках спали зеки, многие накрылись одеялами с головой. По сравнению с Петровкой, камера была довольно большой, на девять мест. По левую сторону от входа вдоль стен стояли пять одноярусных шконок: одна односпальная и две сдвоенных, двуспальных. С правой стороны от входа располагался дальняк, отгороженный высокой бетонной перегородкой, на тюремном жаргоне называвшейся «слоником». За дальняком, в углу хаты⁴⁴ буквой Г располагались две двуярусных шконки. Посередине камеры стоял дубок с козлами по обе стороны. В камере было восемь человек, пустовал только верхний ярус кровати у окна.

Под взгляды высунувшихся из под одеял зеков, я молча прошёл к свободному месту и положил «машку»⁴⁵ на шконку. После этого повернулся лицом к дубку. Как только дверь в камеру закрылась, часть зеков приподнялась на шконках, некоторые встали.

– Ну, рассказывай, кто будешь, с воли или другой хаты? – сказал бритый наголо зек, лет восемнадцати на вид. Лежал он на одноярусной двуспальной шконке у окна.

– Дмитрий, с воли. Статья 162 часть вторая, часть третья, – дал полуофициальный отчёт я.

– Я Адольф, смотрящий в хате. Завтра поговорим, мне на суд с утра ехать. Тебе пока пацаны всё объяснят! – сказал он и укрывся одеялом с головой.

Как потом выяснилось, Адольф уже три года сидел под следствием в СИЗО, и никак не мог получить приговор. Дело было довольно крупное, в 2003 году он порезал в автобусе негра, гражданина иностранного государства. Уже потом я узнал, что приговор он получил, просидев на СИЗО почти пять лет, громадный для времени следствия срок.

– Чай, курить, хочешь? – ко мне подошли двое зеков: один маленького роста, второй высокий, с меня ростом и покрупнее.

– Покурил бы.

– Нормальных сигарет нет, закончились, вон на дубке табак и газета, самокрутку скрути, – маленький зек показал на пакет, лежащий на столе.

Дубок был весь грязный, заставленный фаньчами, заваленный пакетами, обрубками бумаги и газет. Как потом выяснилось, бумажные материалы были расходниками для дороги. В углу лежала грязная заточка, которую использовали вместо ножа для еды.

Я сел крутить самокрутку, зек, что поздоровей, присел около меня.

– Смотри, – сказал он. – Каждый, кто заехал на малолетку, должен пройти прописку. Прописка заключается в том, что нужно сыграть в игры. Отказываться – нельзя. Отказ от игры – пятнадцать фанок воды.

– Ты сам-то играл? – спросил я, закуривая.

– Конечно, играл, все играли.

– Если откажусь, ты что ли заставишь меня воду пить? – с ухмылкой спросил я, хотя внутри нервничал сильно, ибо передо мной сидел явно туповатый малолетка-переросток.

⁴³ Челночная сумка. Часто так называют и спортивные сумки

⁴⁴ Камеры

⁴⁵ Матрац

– Не, ну ты слушай, это обязательно. Откажешься – будешь пить. Или пизд*нём тебя. А потом всё равно будешь играть. Ты чё, хате не доверяешь?!

– Ты меня тоже послушай. Я только с воли. Сейчас я хочу одного – лечь спать. После того, как выплюсь – поговорим.

– Да без базара, ложись, – он встал и вместе с малым пошёл к окну, где была настроена «дорога».

Я, удовлетворённый тем, что пришлось отсрочить все эти «прописки», пошёл раскладывать матрац. «С утра, что-нибудь придумаю,» – решил я.

Спать на втором ярусе было непривычно, я лёг на спину и всё время опасался, что навернусь сверху вниз. Несмотря на то, что был сильно уставший, нормально уснуть так и не смог, постоянно ворочаясь и просыпаясь. Под утро всё же вырубился.

– Вставай, сейчас проверка будет! – меня растолкали, разбудив. По ощущениям прошло всего пару минут, но в хате было уже светло, горел свет.

На малолетке на проверку выходили в коридор, где зеки строились вдоль стены. Вторник и четверг был «голый торс», тогда на проверку полагалось выходить в одних трусах, для осмотра на предмет новых наколок и синяков. Был как раз вторник. На проверке стоял «продольный»⁴⁶, воспитатель из числа сотрудников, медработник и иногда «кум» – корпусной оперативный сотрудник. Посчитав нас и осмотрев, завели обратно в камеру.

В хате верзила по погонялу Седой, который разговаривал со мной ночью, и ещё пару человек начали приставать к худому взъерошенному пареньку по погонялу Блондин. Блондин был с тёмно-русыми волосами, но говорили, что в тюрьму он заехал с покрашенной в светлый цвет причёской. Смотрящего Адольфа с утра забрали на суд, и, воспользовавшись этим, шпана решила докопаться до Блондина.

– Ну чё, Блондин, три дня прошло, как ты заехал, а прописку так и не проходил, – Седой покосился на меня. – Давай выбирай игру, с которой начнём: светофор, калейдоскоп или лётчик?

Первой игрой Блондин выбрал калейдоскоп. Игра заключалась в том, что новенький ложится спиной на козла, одевает на голову робу, вытягивает рукав и смотрит в него, как в калейдоскоп. Цель игры – угадать знак зодиака. Блондин лёг, и игра началась.

– Стрелец, – начал перечислять Блондин.

– Неверно! – остальные столпились вокруг него, Седой отошёл к раковине вместе с фанкой и набрал в неё воды.

– Близнец? – продолжил перечислять Блондин.

– Неверно! – хором ответили малолетки.

– Водолей! – крикнул Блондин, и Седой вылил полный фаныч ледяной воды ему в рукав.

– Вы что творите?! – Блондин с криком вскочил, сбросив мокрую робу на пол, все заготали.

– Ты же сам сказал: «Воду лей!», я и вылил! – Седой ухмылялся. – А теперь давай, следующая игра: Светофор!

– Я не хочу больше играть! – Блондин вытирал лицо полотенцем.

– Отказ от игры – пятнадцать фанок воды! – встал над ним Седой.

Блондин посмотрел на угрожающе нависшую над ним фигуру и решил продолжить играть.

Седой налил три полных фанки воды и поставил их перед Блондином.

– Твоя задача – отгадать цвет светофора, – начал он. – За каждый неверный ответ ты пьёшь один фаныч. Итак, какой цвет у светофора?

– Зелёный! – ответил Блондин.

⁴⁶ Продолом называется на жаргоне тюремный коридор. Продольным – дежурный на этаже сотрудник.

– Неверно! – Седой протянул ему кружку, полную воды. – Пей!

Блондин выпил полную кружку.

– Ну, какой цвет?

– Красный!

– Пей! – Седой протянул вторую кружку.

Вторую кружку Блондин пил медленней, небольшими глотками. Надо заметить, что каждая фанка была объёмом где-то в пол-литра.

– Быстрее! – Седой подтолкнул его. – Тебе ещё надо отгадать цвет светофора!

Наблюдая за всем этим беспределом, я уже твёрдо про себя решил, что играть ни в какие игры не буду.

Допив вторую фанку воды, Блондин продолжил отгадывать загадку.

– Жёлтый! – с надеждой в глазах сказал он, веря, что в этот раз точно угадал.

– А вот и нет, бесцветный! – ухмыльнулся Седой и протянул ему последний, третий фаныч с водой. – Теперь пей!

Блондин измученно начал пить маленькими глотками третью фанку воды. Не выпив и половины, он остановился.

– Я больше не могу, – жалостливо протянул он.

– Пей! – навис над ним Седой. – Либо будешь пить пятнадцать фанок за отказ от игры.

– Я и эту допить не могу. Седой, пожалуйста, хватит, – начал умолять Блондин.

– Тогда у меня есть для тебя другой вариант, – Седой встал и взял пустой фаныч. – Вместо пятнадцати фанок, ты можешь выпить пацанский коктейль!

– Что за коктейль? – спросил Блондин.

– Какой сделаем, такой и будешь пить, секретные ингредиенты, но ничего зашкварного⁴⁷, не ссы! – Седой пошёл на дальняк к раковине, где начал изготавливать обещанный коктейль.

Пацанский коктейль Седого представлял собой дикую смесь из средства для мытья посуды, зубной пасты, мыла, и ещё каких-то бытовых средств. Залив всё это дело тёплой водой, он протянул фаныч Блондину.

– Давай пей! – его тон возражений не подразумевал.

– Не буду! – Блондин попробовал сопротивляться, но тут же получил удар под дых, после чего взял фанку в руки и начал пить. После пары глотков он позеленел, побежал на дальняк и его вырвало.

Малолетки, наблюдавшие за этим, покатывались от смеха.

Седой переглянулся с Америкой, ещё одним крепким выбритым наголо зеком, и, подмигнув ему, они пошли на дальняк к Блондину. К ним присоединились ещё пара зеков.

– Ну что, Блондинка, давай помоги пацанам, – раздался голос Седого из-за ширмы. – Подрочи нам. Через пакетик не зашкваришься!

Я, воспользовавшись тем, что за мной никто не наблюдает, подошёл к дубку и достал из нычки⁴⁸ заточку, спрятав её в карман робы.

С дальняка послышались звуки борьбы, глухих ударов, и Блондин начал истошно орать. Через некоторое время пацанье вышло с дальняка, ухмыляясь. Следом за ними вышел Блондин, который отделался лишь побоями, избежав изнасилования.

– Ну чё, – Седой посмотрел на меня. – Давай теперь с тобой сыграем. Выбирай игру.

– Ни во что я с тобой играть не буду! – я встал спиной к шконке, лицом к хате.

– Ты чё, слышь?! – Седой пошёл на меня.

Я достал заточку из кармана и сделал шаг навстречу ему.

⁴⁷ Позорного, того, что переведёт арестанта в касту опущенных

⁴⁸ В тюрьме у слова «нычка» есть два значения. Первый – место, где прячут запрет (используется в данном контексте). Второй – дырка слива у отхожего места

– Ещё одно движение в мою сторону, и я тебе горло вспорю, животное! – что-то в моих глазах заставило его остановиться.

– Да ладно тебе, хорош, положи заточку, мы шутим же! – Америка взял Седого за плечо. – Оставьте его, пацаны!

Седой сверлил меня взглядом, но отошёл вместе с ним.

Когда напряжение чуть спало, Америка позвал меня к своей двуспальной шконке, которую он делил с Адольфом.

– Садись, поговорим. – сказал он. – Не обессудь, что вышло так в начале, не обращай внимания на Седого, его иногда заносит.

Я присел. Оказалось, что помимо Адольфа и Америка, и Седой, тоже были на свободе скинхедами. То, что я из движения, говорить им не стал, мне очень не понравилось, как меня встретили в камере. Ну а потом и не подвернулось возможности в виду вскоре наступивших обстоятельств.

Америка с остальными начал рассказывать про жизнь в тюрьме.

Понятия

Тюрьмы и лагеря в криминальном мире делятся на красные и чёрные. На чёрных правит балом воровское положение. На красных – жёсткий режим, где активисты⁴⁹ пытаются арестантов и ломают их волю. Определить, есть ли, так называемый, воровской ход на зоне, можно по нескольким критериям:

1)

Имеется «общее» или, как его ещё называют, «котёл» – своеобразный фонд взаимопомощи арестантов, в котором хранится «нужда» («насущенное», то есть сигареты, чай), вещи, средства гигиены, продукты питания.

2)

Греется «крыша». К крыше относится ПКТ (Помещение камерного типа, ранее БУР – барак усиленного режима), ШИЗО (Штрафной изолятор), СУС (Строгие условия содержания). «Греть» или подогнать «грев» значит осуществить любым способом передачу насущного и других необходимых вещей.

На красных лагерях эти пункты отсутствуют, обшак там выносят сотрудники либо актив, а инициаторы сбора жёстко наказываются. Грев под крышу если и совершается, то нерегулярно и индивидуально, постоянно налаженной «дороги» нет. На чёрных зонах при желании и возможности реально достать почти всё, что можно достать и на свободе. Положением там полностью заправляют блатные⁵⁰, а не администрация.

Если режим в колонии присутствует, но эти два критерия соблюдаются, то лагерь/тюрьма называются режимными, но не красными. Красные колонии созданы для целенаправленного «пресса» осужденных и их ломки. В ГУФСИН они чаще всего считаются образцово-показательными или экспериментальными.

Малолетка на пятом центре была режимной. Присутствовала роба, вольные шмотки запрещали, существовал подъём и отбой, телевизор получали в камеру только с разрешения воспитателя. Дорога была налажена, но сотрудники администрации регулярно совершали её обрывы, проводили регулярные обыски, на ночь отключали розетки. Зато, в отличие от ИВС, на ночь выключали свет и включали ночник над дверью, провода от которого подключали к самодельным кипятильникам. Поэтому без чая и кипятка не оставались.

Малолетние зоны, официально называющиеся воспитательными колониями, были либо режимными, либо красными. Положение там менялось с частой периодичностью. Вчера балом правят черноходы, а сегодня актив выносит общее, и наоборот.

⁴⁹ Зеки, состоящие в самодеятельных организациях осужденных

⁵⁰ Живущие по воровским понятиям

Камеры на новом корпусе пятого централа делились на «людские» и «обиженные». «Обиженными» на малолетке были две хаты, где сидели «недостойные». Недостойными назывались лишившиеся достоинства зеки, то есть изнасилованные, гомосексуалисты и «гашеные» – контактившие с первыми двумя. Чтобы загаситься достаточно было покурить после обиженного, поесть с ним из одной посуды или поздороваться за руку. Но гасился человек только осознанно – «по незнанке – не канаает». Заходить в обиженную камеру обычному арестанту нельзя. Если же сотрудники пытаются запихнуть зека в такую хату, то он всеми силами должен сопротивляться и орать «малолетка, дай поддержку!», чтобы на тюрьме начался «кипеж», то есть локальный бунт.

Смотрел на тот момент за малолеткой взросляк⁵¹ Рамзан, который регулярно посещал прогулочные дворики, где вёл профилактические беседы и разъяснял малолеткам за жизнь⁵² в тюрьме. За тюрьмой смотрел положенец – криминальный авторитет, поставленный ворами⁵³. «Смотреть» за чем-либо означало нести ответственность. За какие-либо проступки спрос будет в первую очередь со смотрящего, который это допустил.

В камере присутствовала дневная и ночная масса – часть заключённых занимались своими делами днём, часть ночью. В каждой камере было хатное общее, на корпусе был один котёл. В хате была строгая иерархия. Рулили порядком в камере смотрящий за хатой и «братва». К братве всегда относился смотрящий за хатным общим и приближённый к смотрящему арестант, который помогал ему смотреть за хатой. «Зелёному», то есть новоприбывшему с воли арестанту, полагалось три дня на отдых и «разморозку»⁵⁴, после чего он должен был принимать участие в жизни хаты.

Начинали новенькие обычно с «должности» шнифтового. Шнифтами в камере назывались глазки в «тормозах»⁵⁵. Через них продольный, которого ещё называли «старшим»⁵⁶, мог заглянуть в камеру. Стоять на шнифтах, означало стоять у тормозов, глядя через пику⁵⁷ на продол и слушая звуки, доносящиеся оттуда. Шнифтовой должен уметь строго различать каждый вид звука и сообщать их в хату. Их было несколько:

1)

Централка – тяжёлый звук центральной двери, ведущей в кишку. Он был самым громким и услышать его легко.

2)

Локалка – звон решётчатой двери, которая преграждала выход с лестницы на продол. Звук локалки невнимательный шнифтовой легко мог пропустить мимо ушей – он был звонкий, но тихий.

3)

Козлодёрка – вход в будку продольного на коридоре.

4)

Боксы – на каждом этаже располагались уже упомянутые на Петровке боксы.

5)

Коцают

58

⁵¹ Совершеннолетний

⁵² Тут так же отсутствует грамматическая ошибка. В тюрьме чаще говорят «за», а не «про». «Поинтересовался за жизнь», «спросил за него». Имеется в виду более глубокий смысл, подразумевающий разъяснения, а не простой интерес

⁵³ В тюрьме нет такого понятия как «Вор в законе». Вор в законе называется не иначе как вором, либо уркой, либо жуликом.

⁵⁴ Прийти в себя после ареста

⁵⁵ Дверь в камеру

⁵⁶ С ударением на букву «и»

⁵⁷ Прделанная дырочка в двери камеры

⁵⁸ Открывают

хату –
звук

ключей, открывающих замок в двери какой-либо камеры.

Стоять на шнифтах можно было по-разному, это зависело от уровня шнифтового и указания смотрящего. «Стоять строго» означало, не отрывая глаз от пики, быть постоянно у шнифтов. Обычно шнифтовой так стоял либо в наказание за какой-либо косяк⁵⁹, либо во время нахождения в камере серьёзного запрета⁶⁰. Новенькие шнифтовые первое время стояли строго, чтобы научиться определять различные звуки. Рядом с ними стоял опытный шнифтовой, и подсказывал что к чему. После обучения стояли рядом с тормозами, уже не пялясь постоянно в пику, слушая и оглашая информацию. Опытные шнифтовые позволяли себе отходить от тормозов, подрываясь к ним лишь на звуки. Обычно в камере шнифтовых было трое – два дневных и один ночной.

Шнифтовые также контактировали с другими камерами, передавали «цепи». Связаться с другими арестантами помимо дороги, можно было двумя путями: с соседними по этажу камерами через отдушину, находящуюся над тормозами, а с верхним и нижним этажом через раковину. Под раковиной откручивалась труба, и в неё можно было говорить, как через телефон. Чтобы вызвать связного с другой камеры, нужно лишь подать определённый «цинк»⁶¹. Для связи с соседней камерой нужно простучать в стенку определённую комбинацию. Для связи с другим этажом – ложкой по баяну⁶². В каждой камере были свои цинки для связи. Чаще всего использовался «спартак» – известный мелодичный стук фанатов футбольного клуба Спартак. Другие, более простые цинки чаще использовались для дороги.

Цепью называлась информация, которую шнифтовые должны были дословно передать до нужной камеры. Например, нужно срочно узнать в какой камере сидит человек. Шнифтовой подтягивал соседнюю камеру и пускал цепь: «Цепь по хатам: в какой хате сидит Вася Пупкин, погоняло Прыщ, дать знать в хату 503». И по всем камерам шла такая цепь, до тех пор, пока нужная информация не станет известна, и обратно не пойдёт цепочка «Цепь до хаты 503: Вася Пупкин, погоняло Прыщ сидит в камере 608». Случался бывало и «испорченный телефон», отчего цепь доходила до адресата в искаженном варианте, порой, доходя до самых забавных случаев. Но когда выяснялось, кто перепутал цепь, то с провинившегося был спрос.

Хороший шнифтовой, показавший себя ответственным в этом деле, часто вырастал до дорожника.

Дорожник отвечает за дорогу – связь между камерами. Дорога существует следующих видов:

1)

Воздух – стандартная горизонтальная дорога с соседней камерой. Представляет собой сплетённую верёвку, к которой привязана «кишка» – сшитый мешочек, в который можно положить груз. Верёвку плели из распущенных шерстяных носков либо простыней, порванных на лоскуты.

2)

Конь – вертикальная дорога, аналог воздушной, но осуществляет связь между этажами. В отличие от дороги с соседними камерами, которая держится на «контрольке»

⁶³

, конь сбрасывался сверху и затягивался в камеру «удочкой»

⁵⁹ Проступок

⁶⁰ Запрещённого режимом содержания предмета

⁶¹ Сигнал

⁶² Баян – либо шприц, либо батарея. В данном контексте – батарея

⁶³ Крепко сплетённой, почти незаметной верёвочке, которая позволяла постоянно быть на контроле, то есть держать в нужное время дорогу

64

.

3)

Мокрая – редкий вид дороги, проходит по санузлу. Для этого из дальняка выкачивалась вся вода, и через него налаживалась дорога. На малолетке почти не использовалась из-за своей сложности.

4)

Перевал – дорога через продол. Для её запуска выбивается «кормяк»

65

в двух противоположных хатах, и верёвка с грузом забрасывается в противоположную камеру, после чего, по уже натянутой дороге отправляют кишку. Способ редкий и рискованный, использовался тогда, когда продольный куда-то вышел с этажа либо спал в козлодёрке.

5)

БД – большая дорога. Горизонтальная дорога по воздуху, держится через две и более хаты. На нашем корпусе БД была только на семёрках, минуя обиженную хату 702.

6)

Брос – дорога с волей через «запретку»

66

. На малолетке не использовалась. Через брос вросляки затягивали самый серьёзный запрет – мобильные телефоны, наркотики.

7)

Ноги – вид дороги через коррумпированного сотрудника. На малолетке ноги использовались редко из-за невозможности большинства малолеток дать взятку.

Дорога, за исключением редким случаев, гонится ночью. В большинстве камер дорожник держал дорогу только через воздух и коня. По дороге шли малявы, обращения, курсовые, поисковые, прогоны, а также вещи, запрет, продукты и нужда.

Помощником дорожника был тачковщик, который вёл тачковку – письменный учёт всего важного груза, прошедшего через дорогу, включая наименование и время. В тачковке отмечались особо важные малявы с пометками О.Х. (общий характер, касательно воровского) и О.К. (особый контроль), прогоны, курсовые, поисковые. Прогоны шли от воров к арестантам, обращения от положенца либо смотрящего за корпусом. В курсовых отмечают тех, кто заехал в камеру, чтобы весь корпус был в курсе, и в случае чего, другие арестанты могли дать информацию за человека. В поисковых ищут какого-либо заключённого. Также в тачковке отмечали грузы, помеченные особыми метками. В таких грузах часто шёл серьёзный запрет. Иногда тачковщиком был сам дорожник.

В хатную братву обычно входили один или несколько арестантов. Чаще всего это был смотрящий за хатным общим и один из «более-понимающих», то есть хорошо разбирающихся в воровских понятиях зеков.

Хатное общее представляло собой несколько коробок под шконкой смотрящего за общаком, в которых хранили продукты питания, сигареты, чай, «мыльно-рыльное»⁶⁷. На малолетке в хатах всё было общее и жить «волком»⁶⁸ не приветствовалось. Когда приходил «кабанчик»⁶⁹,

⁶⁴ Крючком, который часто делался из рабицы, нарванной на прогулочном двореке

⁶⁵ Окошко, через которое дают баланду

⁶⁶ Запретная зона и забор, огораживающий места лишения свободы

⁶⁷ Крема для бритья, станки, мыло, шампуни и прочие средства гигиены

⁶⁸ Жить и питаться отдельно от всех, вне общего и ни с кем не семейничать

⁶⁹ Передача

его сразу клали на общак, с которого часть уделялась на дубок, часть отгонялась на котёл, часть по соседним хатам и поделщикам того, кому зашёл кабан.

От смотрящего за хатным общим зависело питание хаты вне положенной баланды, и расход насущного, поэтому на эту должность обычно выбирали ответственного, «с понятием», арестанта.

Смотрящий за хатой отвечал за соблюдение понятий в камере, отсутствие беспредела и разрешения конфликтов и спорных вопросов. Если за хатой был какой косяк, то в первую очередь спрос был со смотрящего. Если в камере не было достойного на роль смотрящего арестанта, то хатой рулила братва.

Дубок в тюрьме был нечто большим, чем просто стол. «Выложить на дубок» значило уделить на общее, на стол, с которого любой мог всё взять по необходимости. Регулярно смотрящий и братва «собирали дубок». «Собрать дубок» значило организовать локальное собрание в камере, где встречали вновь прибывших, отмечали дни рождения, решали спорные вопросы и конфликты. Часто это сопровождалось парой фанок чифира.

Чифир на малолетке варили по всем канонам, выпаривая его с мелколистового чая. Он был настолько сильный, что порой после первого раза, не привыкшая к чифиру зелень бежала блевать в туалет. Пили чифир по два глотка – «за воровское» и «за людское». Чифир имел своё сакральное значение для арестантов, говорили, что традиция пить чифир пошла с сибирских лагерей ГУЛАГа, где зеки таким способом согревались и бодрились. Так как чифир был своеобразным симулятором, то к нему развивалась зависимость, и регулярно чифирующий зек, часто не мог в дальнейшем отказаться от этого напитка. Аналогом чифира был «купец» или «купчик» – очень крепкий чай, который после чифира казался совсем лёгким на вкус. Иногда, но редко, ввиду сильной траты продуктов, пили «коня». Чтобы его приготовить, нужно было смешать чифир с кофеином⁷⁰ на три четверти фаныча, и на оставшуюся часть добавить сгущённого молока. После тщательного перемешивания получался приторный убойный напиток, который бодрит так, что потом долго не можешь прийти после него в норму.

В душ водили раз в неделю по четвергам. Тюремный душ называли «баней». Баня представляла собой небольшое помещение с лейками. Леек хватало на всех, но времени на приём душа отводилось немного, поэтому нужно было мыться быстрее, не особо отмокая. Вольные шутки про «уронить мыло» оставались лишь шутками: если мыло кто-то ронял, то садился на корточки и спокойно поднимал. А если просто наклонялся, не присаживаясь, то могли пошутить в духе «не стой так, сердечко-то слабое». Мылись на малолетке в основном в глушаках⁷¹, чтобы избежать случайных соприкосновений в небольшом помещении.

Из-за того, что робу давали далеко не новую, в ней часто заводились «бекусы» или бельевые вши. Порой даже не помогала профилактика в виде регулярной стирки. В случае обнаружения бекусов всю хату вне очередного посещения бани вели на «прожарку», где сдавали одежду, матрасы и постельное бельё на обработку, которая длилась около часа. Всё это время можно было принимать душ, что малолеткам только в радость. Иногда специально говорили мусорам про бекусов, когда их не было и в помине, чтобы попасть на прожарку и вдоволь помыться. Но этим благом не злоупотребляли, кто знает, что привезёт в камеру новый житель?

Воровским понятиям на малолетке учили, как детей грамоте. У тебя в любой момент могли поинтересоваться «за воровское» и в случае неправильного ответа на какой-либо вопрос, докопаться до слов и «сожрать». А итог этого мог быть самым плачевным. «Интерес к воровскому» приветствовался, и ты мог в любой момент подойти к более-понимающим и поинтересоваться за понятия. Другой арестант обязан дать ответ на интересующий вопрос и отказать не в праве.

⁷⁰ Кофеин – аналог чифира из кофе

⁷¹ Трусах

Я помнил рассказы зека с ИВС про колбасу «похожую на х*й», но на малолетке этого уже не было. Говорили, что это пережиток советской «старой малолетки» и больше старались придерживаться настоящих воровских понятий, хотя отсебятины и беспредела среди несовершеннолетних было навалом. О старой советской малолетке напоминал лишь юмористический стишок – «Сало-масло – запаadlo, колбаса на х*й похожа, сигареты "Прима" – тоже, сыр п*з-дятиной вонял, курицу петух еб*л, рыбы воду обоссали, ваше сало х*й сосало – поросенок п*дор был, хлеб растили коммунисты, по картошке мент ходил!».

Воровские понятия советского периода отличались от современных. В восьмидесятых – девяностых годах в воровском мире произошёл раскол и многое было упразднено. Вора стало дозволено владеть имуществом, иметь семьи, среди блатных стали разрешать употребление наркотиков. На малолетке дети учили друг друга понятиям именно старых канонов, с пояснениями на современную реальность. Что не знали, либо не могли объяснить, спрашивали у взрослых, в том числе у смотрящего за малолеткой. Каждый малолетка должен был знать тюремную иерархию и касты.

У арестанта есть достоинство и порядочность. Сохранивший оба эти качества называется достойно-порядочным арестантом. Достоинство подразумевает, что арестант не терял своей чести, не тронут х*ем, не загашен, живёт на общем положении в массе и не имеет за собой гадских и бл*дских поступков. Фраза «запаadlo» относилась непосредственно к достоинству. На малолетке, если сказал, что тебе что-то запаadlo, а потом это сделал, значило, что лишился достоинства. Так как запаadlo – это то, что не делал никогда, не будешь делать и не сделаешь ни при каких обстоятельствах. То, что ниже твоего достоинства. А нежелание что-либо делать, характеризовалось выражением «в падлу».

Порядочность подразумевала отсутствие непорядочных, с точки зрения воровских понятий, поступков. Под ними подразумевалось сотрудничество с администрацией в самодеятельных организациях, ссучество⁷², нарушение чистоты и культуры общения (соблюдение личной гигиены, фильтрация своей речи и ответ за каждое сказанное слово), любые поступки, идущие вразрез с людскими.

Основа тюремного фундамента взаимоотношений – в первую очередь понятия людские. Людское – стремление к взаимопомощи, взаимопониманию, сочувствию, самопожертвованию, основа арестантской солидарности.

Придерживаться воровского и идти по воровской жизни – разные вещи. По воровской жизни шли только блатные – воры, бродяги, стремяги и шпана.

Вор – это высшая ступень преступной иерархии. Вор считается старшим братом арестантов, чисто-кристальной души человеком, который страдает за общее и арестантов, решает их судьбы. Воров коронуют на сходняке. Сходняк собирался только для коронации и обсуждения кандидатуры потенциального вора. У вора не должно было быть имущества, детей, семьи, на его руках не должно быть крови, пустить чужую кровь вор мог только при угрозе для своего достоинства. Семью запрещалось иметь, чтобы на вора не могли надавить через близких, имущество – чтобы вор не погряз в алчности. Вор не должен иметь отношения к политике или служить в армии, должен проводить большую часть жизни в тюрьмах и лагерях для налаживания воровского положения. Вор должен быть идеалом для арестанта, образцом добродетелей, основанных на самопожертвовании. Среди воров не было главных, были лишь более авторитетные старые урки, к чьему мнению прислушивались. Все вопросы решались на сходках, своеобразном воровском вече. Да и сама преступная система в тюрьме представляла собой пример анархистской самоорганизации общества. После девяностых годов, с приходом новых воровских канонов, положение изменилось, и у воров появились и семьи, и имущество. Появились воры, не имевшие ни одной ходки в места лишения свободы, появились воровские кланы,

⁷² Также самое, что и стукачество, то есть донос сотрудникам ГУФСИН или правоохранительным органам

большинство воров стали «пиковыми», то есть выходцами с Кавказа. Славянских авторитетов, напротив, называли «крестовыми».

Бродяги – криминальные авторитеты, заслужившие это имя. К бродяге могли сделать «подход», то есть выдвинуть его кандидатуру к коронации, но бродяга имел право отказаться. Коронация – журналистский термин. Во время подхода подтверждали, что бродяга является кристально-чистым с точки зрения воровского закона и готов нести ответственность за общее и судьбы арестантов, готов нести воровское имя. Чаще всего именно бродяги становились положенцами на тюрьмах и зонах, смотрели за котлами, корпусами. Многие из старых бродяг придерживались старых воровских канонов, среди них было много славян.

Стремяга – стремившийся к имени вора. Несколько стремяг было и на малолетке среди грузин и армян.

Басотой назывался арестант, который всё последнее отдавал на общее. Басотой мог быть и бродяга, и мужик. Басоты крадут на воле ради того, чтобы греть воровское общее, обычно это крайне идейные люди, идеалисты, жертвующие своими интересами во благо воровской идеи, часто отрицалы.

Отрицала не является отдельным именем в воровском мире. Отрицалой мог стать любой, кто отрицает власть и режим. Отрицалы большую часть времени проведённого в местах лишения свободы проводят под крышей по изоляторам и бурам. Отрицалы – основная масса арестантов «крытой», тюремного режима, куда их вывозят за злостное нарушение режима из-под крыши⁷³ лагерей.

Шпаной называлось основное окружение блатных, живущее воровскими понятиями. Среди них могут быть и так называемые «воровские мужики» и отрицалы.

Мужик – обычный арестант, работяга. «На мужиках зона держится» – любят говорить блатные, в то же время, не забывая в других ситуациях замечать, что «мужики в поле пашут», когда по незнанию их кто-нибудь назовёт мужиком. Имя мужика нужно заслужить, мужик всегда является достойно-порядочным арестантом, придерживавшийся воровского. На лагерях мужик работает на промзоне. Если за мужиком были непорядочные поступки, но от массы он не отстранён, и масть новую на себя не нарёк, тогда его называли не мужиком, но трудягой. Есть такое выражение, что «мужиком наречить может только вор», а в ином случае ты работяга.

Среди массы трудяг чаще всего много «фраеров»⁷⁴, случайно залётных в тюрьму людей, которые далеки от воровского и мужиками с воровской точки зрения называться не могут. А некоторые мужики часто в авторитете, и к их мнению прислушиваются и блатные.

На тюрьме разделяют такие слова, как «люди» и «человеки». Люд, с точки зрения воровской идеологии, может быть только достойно-порядочным. А человек? Ну как говорится, «п*дор тоже человек».

Разделяют непорядочный поступок и проступок. Поступок совершается осознанно и за него несут ответ. Проступок совершается по «незнанке» и в большинстве случаев может быть прощён. За поступок всегда идёт спрос. Во время обычного спроса ограничиваются прилюдной пощёчиной, такой спрос чаще всего идёт за серьёзный проступок. Строгий спрос является физическим спросом и идёт только за поступок, когда провинившегося избивают либо ногами, либо подручными предметами. За бл*дский, то есть идущий против воровского мира, поступок могут и зарезать. А вот изнасилования в тюрьме – табу. «Х*ем не наказывают». Только на малолетке иногда шутили «спрос по всей строгости малолетки – через х*й!». Но иногда шутка воплощалась и в жизнь. Большинство петухов и обиженных на взрослой тюрьме были опущены на малолетке по беспределу.

⁷³ В данном контексте имеется в виду «крыша» – ШИЗО, ПКТ

⁷⁴ От нем. frei – свободный, то есть вольный

У воровского мира две ценности – воровское и людское. Те поступки, что идут в разрез с воровским, называются бл*дскими, а совершивший их – бл*дью. Поступки, идущие в разрез с людским – гадскими, а совершивший их гадом или негодяем. К ним относится беспредел, лишение арестанта достоинства, торговля «смертью» (наркотиками или оружием). Помимо изнасилования, к гадским поступкам относится опускание арестанта, ведь чтобы зек лишился достоинства, не обязательно его насиловать, можно просто обоссать или тронуть половым органом.

По понятиям с малолеток строго спрашивать нельзя, так как малолетки ведут неосознанный образ жизни, чем малолетки вовсю и пользовались, совершая беспредел.

Среди непорядочных арестантов есть так называемые масти. К ним относятся суки (стукачи), крысы (крадущие у арестантов), красные и козлы (зеки, сотрудничавшие с администрацией), чушки (не соблюдающие личную гигиену), шныри (шестёрки), интриганы (распускающие слухи), п*здаболы (лгуны). Нужно различать красных и козлов, так как красным считается любой зек, вставший на должность в колонии, вне зависимости от его поступков. Некоторые арестанты осознанно встают на красную должность, чтобы принести пользу общему и другим арестантам, и козлами их не называют. А порой уважением они пользуются даже больше, чем многие мужики.

Козлы были и в тюрьме. Ими называли зеков, которые остались с разрешения администрации досиживать срок в СИЗО, и работали в хозобслуге баландёрами, каптёрщиками и т.п. Ещё их называли зёмиками или земогорами. Сидели они отдельно от остальных зеков и носили арестантскую робу. Причины, почему они остались в хозобслуге, могли быть разные, но многие из козлов просто боялись ехать на зону. Это считалось непорядочным, и в людских хатах при последующей ходке такие индивиды обычно не сидели. Но бывали обстоятельства, когда арестанту, в основном по семейным причинам, приходилось оставаться в хозбанде. Тогда он брал у положенца добро, и при следующей ходке жил в массе. Я знал одного такого земагора, у него была больная мать, и оставить её он не мог – козлы с СИЗО обычно быстро освобождаются по УДО⁷⁵. На пятом центре помимо мужчин из хозбанды, были ещё и девушки, приехавшие с шестого центра, также работавшие в хозобслуге.

Помимо основных мастей, на малолетке была и своя отсебятинка. Одной из таких малолетних мастей был фаршмак. Попасть в фаршмаки было легко – достаточно было не помыть руки после туалета и сесть за стол или запустить руку в трусы, а потом почесать нос. Фаршмаки были на отдельной посуде и не питались за общим столом, жили на положении обиженного, но обиженными не являлись.

К фаршмакам относились и «п*здализы», и «самососы». Если какой-нибудь малолетка хвастался о своих сексуальных похождениях и проговаривался о том, что делал куннилингус, то автоматом отправлялся на отдельную посуду и объявлялся п*здализом. Иногда подлавливали сами: если у малолетки была девушка, то достаточно было задать вопрос, делала ли она ему минет, и если тот радостно кивал, то так же мог отправиться на отдельную посуду. По понятиям такие вопросы задавать неправильно, за личное интересоваться нельзя и можно смело бить за это в лицо, но на малолетке практиковалось.

С точки зрения понятий драться в тюрьме нельзя. Если возникает конфликт и спорный вопрос, то разрешить его должен смотрящий. Если он это сделать не может либо вопрос выше его прерогативы, то ситуация выносится на суд смотрящего за корпусом или положенца. Если их решением вопроса арестант не удовлетворён, то он может поднять вопрос до воров, это последняя неоспоримая инстанция.

⁷⁵ Условно-досрочное освобождение

Петухами на малолетке становились в основном добровольно. В эту касту попадали морально слабые зеки, которых подлавливали на их же словах, и потом разводили на мужеложство. Но бывали и исключения, когда опускали по беспределу.

На малолетке был так называемый глум, который делился на моральный и физический. К моральному относились шутки и подколы, нередко перерастающие в пошлые оскорбления – в моральном глуме называть гребнем или петухом другого зека было в порядке вещей. Но если для тебя такой глум неприемлем, ты должен сразу поставить хату в курс и уже после этого, если оскорбления продолжаться, потребовать ответ за них. Каждое сказанное в тюрьме нужно при необходимости пояснить, и за каждое слово несут ответ.

Физический глум подразумевал шуточные драки, нередко стенка на стенку, борьбу на шконках. Играли в актив и отрицал – одни бьют других и орут при этом: «Вступай в актив» – а другой должен продержаться как можно дольше. Когда терпеть уже не можешь, должен сказать: «Расход с глумом», и тогда глум прекращается. Но не всегда, иногда малолетки увлекались, и глум мог перерасти в драку.

В карты на малолетке играли, нарезая колоду из картонных чайных упаковок, но на деньги играть без ведома взрослых было запрещено. Даже на взрослом корпусе был «потолок» – максимальная сумма, разрешённая для игры на деньги. Чтобы превысить потолок, нужно было взять разрешение у смотрящего за игрой. С каждой игры на деньги примерно двадцать процентов должно уделаться на воровское общее. Карточный долг считался святым, не отдавший его становился фуфлом, а с фуфла могли спросить и здоровьем, и деньгами. Даже была такая поговорка: «Фуфло хуже пидараса». На насущное (сигареты, чай) и пайку (положенный каждому арестанту хлеб) играть было запрещено, поэтому на малолетке играли в основном на «мыльно-рыльное».

Конечно, понятия я расписал с точки зрения идеализма воровской идеологии, на деле же всё обстояло несколько по-другому. Часто понятия искажали, не соблюдая их истинную суть и используя в своих интересах. Но зная основы, можно было «раскачать» почти любой «базар» и вывезти за себя вопрос. Знаний, полученных на малолетке, было для этого достаточно, не каждый взросляк знал так воровские понятия, как иной малолетка при авторитете.

Незванные гости

– Старшой⁷⁶ в нашу сторону! – шнифтовой оторвался от пики, чтобы оповестить хату. Вскоре глазок открылся и раздался звучный бас продольного.

– Через пять минут на выход! – назвал он мою фамилию, и шнифт закрылся.

– К кому скорее всего поведут! – сказал Америка. – Помнишь, что говорили про кумовку?

– Помню, – кивнул я.

Кумовкой называлось заявление о добровольном сотрудничестве с оперативно-режимным отделом, а попросту оперчастью. Сотрудничество подразумевало донос на сокамерников, сдачу мест хранения запрета. Подписать кумовку значило автоматом стать сукой.

Кумом на малолетке был Гмырин – по рассказам, очень хитрый опер, у которого чуть ли не в каждой хате был свой осведомитель. После того как новый заключённый прибыл на централ, кум вызывал его к себе на беседу и склонял к сотрудничеству. Его суки наносили немалый вред движухе⁷⁷ на малолетке: благодаря им легавые отшманивали любой запрет, включая средства для налаживания дороги и даже бритвенные лезвия, которыми стригли ногти. Серьёзного запрета, наподобие мобильных телефонов, в камерах для несовершеннолетних преступников не было.

⁷⁶ Дежурный сотрудник. Так же используется как обращение к рядовым сотрудникам ГУФСИН. К сотрудникам на высоких должностях, обращаются «начальник»

⁷⁷ Воровскому ходу

Тормоза открылись, и я вышел на проход. Кабинет Гмырина находился здесь же на этаже, но меня повели дальше, через кухню на административный корпус, где располагались кабинеты для встреч с адвокатами и следователями, помещения для свиданий с родственниками. Вскоре завели в небольшое помещение, где сидел Гмырин – опер с мерзким лицом, полностью соответствующей своей фамилии. С ним было двое мужчин в гражданской одежде. Они оказались сотрудниками отдела по борьбе с экстремизмом⁷⁸ из УБОПа. Представившись, сразу перешли к делу.

– Ну что, рассказывай про совершённые вами убийства, – получив мой недоуменный взгляд, продолжили. – Твой подельник Александр всё рассказал и сейчас пойдёт домой, будет свидетелем. А вот ты, если не признаешься, будешь сидеть все десять лет.

К слову, я не знал о чём идёт речь, но сразу понял, что по поводу подельника меня берут на понт: к вменяемым убийствам мы отношения не имели. На нас пытались повесить поножовщину армян на подмосковной станции электричек и ещё пару висяков. Я ждал, что признание начнут выбивать силой, но опера пока просто беседовали.

– Мы же знаем кто ты! Ты – Митяй «Лысый». Лидер скиновской банды «Славянский террор». Трех из вашей бригады мы приземлили, закроем и остальных. Но у тебя пока ещё есть шанс избежать тюрьмы! Сдай мне адреса всех своих бойцов и пойдёшь домой. А дело, по которому ты сидишь, мы развалим.

– Да я даже не знаю, о чём вы! – показушно возмутился я. – Я вообще сижу за случайную драку.

– Слушай сюда, говнюк, – встрял в разговор Гмырин. – Давай всю информацию, которую с тебя требуют, иначе кину к чуркам в пресс-хату, тогда взвоешь!

– Мне нечего сказать! Я без понятия, о чём идёт речь, – продолжал отрицать я.

– Пошёл вон! Вывести его! – позвал сотрудника Гмырин. Меня повели обратно в камеру. О кумовке даже не было разговора. Всё было намного серьёзнее.

Раскрутка

– Собирайся по сезону! – на следующий день возглас продольного снова назвал мою фамилию.

– Что такое «по сезону»? – спросил я у Адольфа.

– На следственные действия обычно везут. Машку и вещи оставляешь в хате, а сам сейчас пойдёшь переодеваться.

Через минут пятнадцать дверь в камеру открылась, и меня повели в каптёрку, где я переодел уже поднадоевшую робу на свои джинсы и бомбер. Чуть позже привели и Санька, который рассказал, что теперь у него погоняло Хаттаб в честь какого-то смотрящего за районом, где он проживал.

Выведя на улицу, нас погрузили в милицейский воронок. На мой вопрос: «Куда едем?» – ответили, что на ИВС. Это меня чрезмерно удивило, так как ранее я думал, что в ИВС зеки содержатся только до вынесения судом ареста.

Привезли на Петровку. Внутри опять поместили в боксы, подвергли не менее тщательному шмону⁷⁹, чем когда заехал с воли, и поместили в разные камеры.

Моим сокамерником оказался мужчина лет тридцати пяти, сидевший за разбойное нападение на инкассаторов. Его «делюга»⁸⁰ по экшену была достойна эпизода из фильма-боевика. Выставив⁸¹ инкассаторов, они подверглись погоне со стороны сотрудников милиции, которые

⁷⁸ Из этих отделов позже был сформирован ЦПЭ – Центр противодействия экстремизму

⁷⁹ Шмон – обыск (кримин. жарг.). Этимология слова восходит к слову «шмонэ», что в переводе с Иврита означает «восемь». Именно в восемь часов в Одесских тюрьмах в Российской Империи был обыск

⁸⁰ Уголовное дело

⁸¹ Ограбив

на ходу прострелили им колёса. Преступники улетели на автомобиле в кювет, где и были задержаны.

Ещё в тюрьме я узнал, что на ИВС любят подсаживать зеков-суков в камеры. Суки втираются к малолеткам и другим первоходам в доверие и разводят на подробности об уголовном деле, которые потом сдают мусорам. К моему поделнику Сане подсаживали такого ещё перед тем как мы заехали на тюрьму. Тот весь был в наколках, с отрицаловскими звёздами⁸² под ключицами, и очень живо интересовался нашим делом, а так же чем мы занимались на свободе. Но Санёк сразу почуял подвох и ничего лишнего ему не сболтнул.

Мой нынешний сосед к таким подсадным уткам не относился, спросил лишь что за статья, и больше про моё дело не интересовался. А вот сам болтал без умолку, давая советы, что на свободе нужно заниматься торговлей и перевозкой леса, ведь на этом «реально поднять большие бабки». Позже выяснилось, что его, как и меня, вывезли на «раскрутку»⁸³. По закону из тюрьмы в ИВС на следственные действия могут вывезти на срок до десяти суток. Некоторые зеки, которым итак светит большой срок, пользуются этим, чтобы выжать по максимуму с легавых разных «плюшек». К каждому зеку опера ищут различные подходы. Кого-то, особенно тех, кому нечего терять, задабривают всяческим запретом и едой из ресторана, чтобы они признались в новых эпизодах. Такой подход часто применялся к тем, кому уже итак светит пожизненное заключение. Другим предлагали лишь небольшие выгоды: если позволяет следователь, то в ИВС можно сделать неограниченное количество передач со свободы, да и отличие тюремной баланды от баланды на Петрах кардинальное. А некоторых везут на пытки. Мой сосед был из первой категории, и меня к нему посадили видимо для того, чтобы я видел выгоду от сотрудничества со следствием.

На следующий день меня вызвали в следственный корпус. Завели в кабинет, в котором я увидел тех самых оперов из УБОПа, приехавших на пятый централ. В этот раз с ними был третий здоровый опер. Я сразу понял, что попал конкретно.

Меня посадили за стол и начали задавать те же вопросы, что и на централе, только уже в более агрессивной манере. Поняв, что на сотрудничество я не пойду, меня скрутили и поставили на растяжку к стене. Один из оперов раздвинул мне ноги до максимума, два других растянули руки и стали держать, чтобы я не вырвался. Самый здоровый опер начал наносить удары в область почек и корпуса.

Не знаю, сколько длилось избиение. Во время пыток счёт времени теряется. Время от времени они останавливались, продолжая держать меня на растяжке, и задавали вопросы об убийстве каких-то двух армян. Получив отказ, либо продолжали отбивать почки, либо держали на растяжке. Через несколько часов (был ли это час, два или три, сказать не могу, так как время тянулось неопределённо) они сняли меня с растяжки. Со словами, что беседу продолжим завтра, позвали мусоров, которые подняли меня с пола и понесли обратно в хату. Руки и ноги отсохли и отказывались пошевелиться, почки и тело разрывались от боли. Занеся меня в камеру, бросили на пол и, развернувшись, вышли. Сосед больше не веселился и переменялся в лице, увидев меня избитого. Он помог мне добраться до шконки и прилечь. Шевелиться сам я был не в состоянии, тело кололо миллионами иголок, руки с ногами только начали приходить в себя.

Вечером я смог кое-как подняться со шконки и добраться до дубка поужинать. Сокамерник рассказал, что я ещё легко отделался, взрослых на Петрах пытали, подвешивая за ноги и избивая битами, либо загоняя иголки под ногти.

После ужина меня заказали со всеми вещами и перевели в другую камеру. Там сидел лысоватый полный мужичок, который сходу назойливо начал расспрашивать меня, за что я

⁸² Восьмиконечная наколка «розы ветров»

⁸³ Действия, направленные на достижение признания в новых уголовных делах

сизу и чем занимался на свободе. Отреагировал я агрессивно, сказав, что если он от меня не отвалит, то воткну ему ложку⁸⁴ в шею. Судя по вопросам, скорее всего он был сухой.

На следующий день меня снова вызвали к операм и экзекуция продолжилась. После избивения также бросили на пол в камере, где ссученный сосед молча наблюдал за мной со шконки, даже не пытаясь помочь.

На третий день сценарий повторился.

На четвёртый день меня перевели в одиночную камеру. Сигарет не было, и я не курил с той поры, как перевели в хату к суке. Помимо ежедневных пыток и одиночества, меня лишили и сигарет. Терпеть пытки уже не было сил, но я понимал, что если возьму на себя чужие дела, то поеду топтать лагерь на все десять лет⁸⁵, вместо средних шести, что мне светило. Осознание этого и тяга к свободе придавали усилия держаться. Иногда, когда не оставалось сил, я делал вид, что собираюсь что-то рассказать, и начал придумывать вымышленные эпизоды, якобы дал кому-то в электричке пинка. Но ничего более добиться от меня не могли. Опера злились и били ещё сильнее, не забывая предварительно записать эту «липу» в блокнот. Но так я хотя бы получал небольшую передышку.

На седьмой день меня снова повели на очередной «разговор». Не выйти с камеры было невозможно, один раз я попытался, после чего меня скрутило несколько человек и ласточкой повели к операм. Зайдя в кабинет, как обычно, приготовился получить внезапный удар, после которого меня поставили бы на растяжку, но его не последовало. Я присел на стул напротив сотрудника УБОПа, и тот пододвинул в мою сторону пачку сигарет.

– Хочешь курить? – спросил он.

Я молчал.

– Тут родители твои приезжали, – продолжил опер. – Через следователя хотели передачку сделать. Сигареты, покушать. Мы разрешим, если признаешься в этих делах. Явку с повинной напишешь и срок меньше получишь. Я тебе обещаю.

Моего ответа не последовало. Опер переменился в лице.

– Ты же понимаешь, что мы тебя всё равно сломаем?! Мы устроим тебе «весёлую» жизнь на тюрьме и зоне. У нас везде связи!

Я лишь пожал плечами. Опер с досады махнул рукой и позвал вертухая, велел отвести обратно в хату. Больше на Петрах меня не пытали.

Неожиданная встреча

На восьмой день моего пребывания в полной изоляции на Петрах, дверь открылась, и я не поверил своим глазам. В камеру завели моего подельника Шульцгена, который жестом показал, чтобы я не подал виду, что мы знакомы.

– Что ты здесь делаешь?! Ты же под подпиской! – возмутился я, когда дверь в камеру закрылась.

Шульцген молча протянул мне постановление об аресте. «105 ч.2»⁸⁶ – прочитал я.

– Ты дурной что ли?! Что случилось? – спросил я.

Выяснилось, что всё время нашего с Хаттабом пребывания в тюрьме и Петрах, Шульцген просидел дома, боясь выйти на улицу и наворотить там дел. Но потом его позвал наш общий друг на день рождения своей девушки. Возвращаясь с вечеринки, недалеко от своего дома они увидели мужчину азиатской внешности, стоящего на остановке. Без какой-либо задней мысли, как сказал Вова, они спросили у него закурить. А мужчина оказался поддатый, и послал их прямым текстом на х*й. После оскорбления друзья вспылили и прыгнули на него. Мужчина вырвался и побежал во дворы, где его сбили с ног, после чего начали забивать ногами. Затем

⁸⁴ Заточенную ложку легко можно использовать вместо заточки

⁸⁵ Несовершеннолетним преступникам не дают более десяти лет лишения свободы

⁸⁶ Статья за убийство в УК РФ

Шульцген взял палку и начал наносить удары ему по голове. Через какое-то время, прекратив избиение, они ушли по домам. Задержали их на следующее утро, по кровавым следам. Сотрудники Петровки не проверили материалы дела, по которым был под следствием Шульцген и закрыли его ко мне в камеру, не зная, что мы идём подельниками⁸⁷. Видимо решили, что напугаю его рассказами о малолетке и пытках. Как потом выяснилось, Дениса, подельника Шульцгена по убийству, закрыли к Хаттабу с той же целью.

Последние два дня моего пребывания на Петровке были относительно веселыми. Я рассказывал Шульцгену про тюрьму и играли в слова – больше на Петрах заняться было нечем.

Возвращение на централ

По истечении десяти дней меня и Хаттаба повезли обратно на пятый централ. Шульцген и Тито (подельник Шульцгена по убийству) пока остались в ИВС. Поднявшись со сборки на корпус, я вернулся в ту же камеру, из которой вывозили по сезону.

В хате появился новенькие: скинхед по погонялу Топор и земляк с моего района, сидевший за кражу. Топор своё погоняло получил за совершённую делюгу. Он зарубил знакомого мужика за долги, подловив его около дома. На груди у Топора была наколота свастика, как в фильме «Американская история Икс», а на ногах мотоцикл «чоппер» и имперский орёл с герба Третьего Рейха. На свободе земляка я не знал, но у нас оказалось много общих знакомых. Он сидел второй раз, был осуждён и ждал этапа на зону.

Первым делом после возвращения в камеру я сел писать письмо домой. Индекса не знал, но мне подсказали общемосковский. Первое письмо вышло коротким и по-детски наивным. Пугать родителей не хотелось, да и писать всё открыто было нельзя, каждое письмо проверял тюремный цензор из администрации. Я понимал, что пытки на Петрах лишь начало и теперь меня не оставят в покое.

Написанное письмо процитирую здесь, орфографию и пунктуацию оставил без изменений.

«Здравствуйте дорогие родители!

У меня все хорошо. Как у вас? У меня на хате 8 человек (один парень с района). Почему не присылаете передачи? Уже курить и пожрать по нормальному хочется.

Из пожрать привезите какой-нибудь колбасы, хлеб тут дают. Из сигарет желательно парЫ блоков Явы красной в мягкой упаковке, или Примы... *(далее идёт перечёркнутое предложение, объясняющее такой выбор. В нём я написал, что у них и так из-за меня нет денег. Потом решил, что это будет выглядеть жалостливо и зачеркнул написанное так, что текст невозможно разобрать)* ... Вы главное не нервничайте и в письме ответном напишите наш индекс и дату суда если уже знаете.

Скучаю, увидимся на суде

Ваш сын.».

Сейчас и смешно, и грустно читать это письмо. Осознаёшь, что хоть в те года во многих вещах размышлял по-взрослому, но всё же оставался подростком.

Заголовок в письме я подчеркнул одной линией, что случайно увидел парняга, сидевший рядом за дубком.

– В тюрьме ничего впустую не подчёркивается, – сказал он. – Одной прямой чертой подчёркивается людское, двумя – воровское, тремя – святое! Волнистой – мусорское!

Подчёркивания использовались в малявах, курсовых, поисковых, обращениях, прогонах, в общем, в любых письменных средствах связи между арестантами. Например, «людская», то есть порядочная с точки зрения воровских понятий, хата подчёркивалась одной прямой чертой. Вор двумя прямыми, сука или легавый волнистой линией.

⁸⁷ Подельникам по закону, до вступления приговора в законную силу, нельзя сидеть в одной камере

Пока я писал письмо, один из сокамерников колот другому наколку на пальце. На малолетке самопальная машинка для нанесения партаков была редкостью, так как сложно было достать моторчик. Поэтому все наколки делали в основном вручную, першнёй. Першня изготавливалась различными способами, тут зависело от того как удобно кольщику. Острием для першни служила заточенная об железный угол дубка скрепка, которую обычно либо вплавляли в ручку, либо обматывали спичками. Чернилами служила жжёнка, которая изготавливалась путём сожжения подошвы либо бритвенных станков. Для её приготовления брали шлёмку, садились на дальняке и жгли под ней материал так, чтобы дым шёл ровно на дно тарелки. Затем соскребали жжёнку в бумажку, разводили её с каплей шампуня для густоты и всё, чернила готовы. Для обеззараживания иглы использовали огонь.

После того как кольщик доколот партак, я подсел к нему.

– А мне сделаешь наколку? – я с детства хотел себе татуировки, но имел только «пропеллер»⁸⁸ на ноге, который лет в тринадцать набил сам себе иглой и чернилами из стержня гелевой ручки.

– А что не наколоть-то? На, выбирай! – и он протянул мне тетрадку, с разного рода несложными тюремными наколками. В основном там были перстни, афоризмы и аббревиатуры. На малолетке любили вести различные тетрадки, куда записывали стихотворения (в основном тюремные), тексты песен, татуировки и их значения.

Первой наколкой я решил выбрать незамысловатую аббревиатуру на большой палец руки. Присел за дубок, а кольщик взял жжёнку, першню, и с сосредоточенным выражением лица начал колоть мне партак. Получилось простенько, но неплохо. Эта наколка до сих пор со мной и довольно яркая, несмотря на прошедшие года.

Пресс-хата

На следующий день после того, как я вернулся из ИВС, в стенку, отделявшую нас от соседней камеры, раздались глухие тяжёлые удары. Америка цинканул кулаком «Спартак» по стене и подтянулся⁸⁹ на раковину для связи с соседями.

– Ой!⁹⁰ Что у вас там происходит? – прокричал он в трубу, открутив её из-под раковины.

– Да всё нормально, не гони, так чисто глумимся. Расход⁹¹! – отозвался кто-то с соседней хаты.

– Расход! – сказал Америка и вышел с дальняка.

Через некоторое время удары раздались снова, и в этот раз сопровождались криками. Адольф сказал, что там явно происходит что-то странное, но больше на контакт соседи не шли, несмотря на наши настойчивые призывы.

На следующее утро из соседней камеры увезли на больничку опущенного. Он жил обиженным и не был «рабочим» петухом, который добровольно вступал в гомосексуальную связь. За отказ предоставить сексуальные услуги в соседней котловой⁹² хате малолетки, сидевшие за убийства, по беспределу начали его избивать с особой жестокостью. Били головой об стену и забили ручку ковырла⁹³ в задницу.

Когда всё всплыло, соседнюю камеру вызвали на сборку, где смотрящий за малолеткой бродяга по жизни Рамзан спросил пощёчиной с каждого сидельца котловой хаты за беспредел и махновщину⁹⁴, а смотрящего и братву отстранили от воровского, объявив махновцами. Отстра-

⁸⁸ Пропеллером на сленге скинхедов называют свастичный символ

⁸⁹ Вышел на контакт

⁹⁰ На тюрьме, вместо приветствия часто используется аббревиатура АУЕ (Арестантское Уркаганское Единство). Америка использовал выражение Oi! – из английского диалекта Cockney, выходцев из рабочих окраин Лондона

⁹¹ Расход в тюрьме означает конец разговора.

⁹² Как уже упоминалось, котёл – общее корпуса или тюрьмы. Та камера была котловой, где хранилось общее нового корпуса

⁹³ Веника

⁹⁴ Сокрытие и попустительство беспредела

нение от воровского значило, что они больше не могли иметь отношение к общим делам, то есть быть при ответственности в тюрьмах или лагерях и идти по воровской жизни. На малолетке это означало автоматом попасть «на тряпку», то есть уборку в камере. После спроса их в тот же день раскидали по разным камерам.

Вскоре после того, как соседняя хата опустела, меня заказали со всеми вещами. Я отлично помнил угрозы кума о переводе на семёрки в камеру к кавказцам, и понял, что он решил их осуществить. Но, к моему удивлению, перевели в соседнюю хату, где накануне творился беспредел.

Камера была на девять человек, но полностью пустой, интерьер был зеркально идентичен предыдущей хате. Только под решётками острова стояли коробки котла. Островом называли одиночную шконку у тормозов, на ней чаще всего спал ночной шнифтовой, чтобы в случае палева успеть нырнуть под одеяло.

Не успел я разложить вещи, как с моей бывшей камеры цинканули в стенку. Я подошёл к раковине и открыл трубу. На связи был Адольф, который предупредил меня, чтобы ни в коем случае не трогал котёл, пока в камеру не заедут более-понимающие арестанты. Как будто без него я это не понимал, слово «крыса» знал ещё на свободе.

Закончив разговор, я присел на шконку и стал ожидать новых соседей. Долго ждать не пришлось, тормоза открылись и в камеру завели четырёх кавказцев и одного славянина. Они представились: кавказцы оказались двумя грузинами и двумя армянами. Двое из армян – обоих звали Эдуардами – называли себя стремягами. Один армянин занимался на свободе боксом, а здоровый плечистый грузин, которого звали Сосо, вольной борьбой.

Не успели мы познакомиться, как в камеру завели ещё одного славянина и грузина, которого звали Махо. Махо был мутным пареньком, когда он зашёл в хату, за него пришла цепь, что он сломился с предыдущей камеры. По понятиям, ломиться с хаты было нельзя, это считалось непорядочным поступком. Если вопросы возникали, то их нужно было решать через блатных, а если творится беспредел, то силой. Но Махо этот факт отрицал, сказав, что предыдущие сокамерники распускают интриги. Якобы его там били по беспределу, и перевёл его опер по собственной инициативе. Кавказцы сразу подтянули Махо к себе и сказали, что он будет в общей массе. За хатой, не спрашивая мнения славян, сразу стал смотреть один из стремяг, а второй стал смотрящим за котлом. Сосо стал смотреть за хатным общим. Лично мне было без разницы, кто из них за что будет отвечать, сам я был зелёный и к тюрьме ещё не привык, чтобы влиться в тюремную жизнь и порядки. Но уже подозревал, что не просто так ко мне в камеру перевели за раз столько пиковых.

На следующее утро меня выдернул на личную беседу Гмырин.

– Ну что, – сказал он, потирая руки. – У тебя последний шанс дать показания. Или я сообщу грузинам, кто ты и за что сидишь.

Я молчал. Ещё в ИВС понял, что в диалог с операми, настроенными повесить на тебя чужое преступление, вступать бессмысленно.

– Пшёл вон отсюда! – рявкнул кум, и меня отвели обратно в камеру.

Я быстро понял, что пиковым давно дан расклад, кто я и что надо со мной делать. За каждым из них, кроме разве что смотрящего за котлом Эдика, ходила печальная слава. Сосо был известен тем, что опустил нескольких заключённых якобы по добровольному согласию. Но сам он признался уже в камере, что одного из них бил головой об батарею, склоняя к минуте. Спроса он избежал, бравирова родственниками из грузинской братвы. Махо к нам перевели уже завербованным из хаты, где его самого прессовали. Эдик-боксер просто был злобным ублюдком.

После того как кум дал отмашку, они подошли ко мне и начали расспрашивать за делюгу и образ жизни. Получив ответ, что да, скинхедом я являюсь, и нет, отказываться от своих убеждений не собираюсь, начался конкретный пресс. Каждый день на меня совершались неожиданные

ные нападения, в ходе которых меня били до той поры, пока я не мог сопротивляться. А сопротивлялся я каждый раз, отчаянно, стараясь нанести как можно больший урон нападавшим. В избиениях особо отличался Махо, Сосо и боксёр Эдик. Второй Эдуард, смотрящий за котлом, как мне кажется, двигался не от кума, но был подвержен влиянию своих земляков. В «прыжках» на меня он почти не участвовал, но и замечания землякам не делал. Славяне, что заехали с кавказцами в камеру, были заодно с беспредельщиками и всячески им способствовали. Но нападения в основном совершали пиковые. Прыжки совершались в самые неожиданные для меня моменты: нападали даже когда я спал, хотя по понятиям сон арестанта – святое. Из-за этого я стал спать чутко, просыпаясь от малейшего движения.

Вскоре смотрящий за малолеткой сменился, и вместо справедливого Рамзана за малолеткой стал смотреть наркоман-славянин по погонялу Лазарь. У Лазаря были интересные наколки: на одном предплечье комар в милицейской форме, пьющий кровь, а на втором комар уже толстый, с раздутым пузом, напившийся вдоволь. Данный партак означал: «Крови нет – выпил мент!». На запястье у него была наколота свастика, и надпись по-немецки: «Gott mit uns⁹⁵!». На прогулочном дворике кавказцы сообщили ему, что я беспредельщик, скинхед и меня необходимо отстранить от воровского. Лазарь согласился и сказал, что к общим делам доступа более я не имею. Что-то оспаривать я не стал, так как вся камера с ведома мусоров была настроена против меня. Доказать беспредел я не мог, и тогда был бы обвинён ещё и в интриганстве. Почти у каждого из этих кавказцев, по их же словам, были родственники из братвы, включая воров. Несмотря на это, они творили беспредел в пресс-хате, созданной Гмыриным, хоть со стороны камера считалась не только «людской», но и котловой.

После того как меня отстранили, помимо физического пресса, начались ещё и психологические нападки. До меня всячески пытались докопаться, подловить и «сожрать» на словах, заставить убираться в камере либо шнырить⁹⁶. В эти моменты я был благодарен судьбе: она закалила меня на улицах, и этим мразям не удалось сломать ни меня, ни мой Дух и Веру. На каждое их слово я находил десять своих, на каждый удар старался ответить как можно жёстче. Все заточки и лезвия от меня прятали, а когда приходила передача, с неё первым делом забирали бритвенные станки. В письмах я писал, чтобы высылали всего по минимуму, так как не хотел, чтобы эти скоты жировали на моих дачках⁹⁷. Иногда, когда находил силы, я давал настолько жёсткий отпор, что после ответной атаки меня не трогали несколько дней. Тогда это были дни, когда я мог передохнуть, спокойно сидя весь день на шконке или читая книги. Но таких дней было немного. Прессовщиков было больше, некоторые были физически сильнее. Одним из дней, когда меня не трогали, был день моего семнадцатилетия. В день рождения меня не трогали и никак не задевали: такой подарок мне сделали гады⁹⁸-сокамерники.

Мусора и следствие всячески способствовали попыткам меня сломать. Следователь не давал родителям свидания, обосновывая это тем, что пока дело не передано в суд, никаких свиданий мне не полагается. Передачи на обысках дербанились максимально, сотрудники порой резали даже туалетную бумагу, а каждый день к себе вызывал кум и, ухмыляясь, спрашивал: «Ну что, дашь показания?». Через какое-то время я, обозлённый на всё вокруг, стал слать его прямым текстом на х*й, за что получал п*здюлей ещё и от него.

Это были три месяца ада.

Сука

⁹⁵ «С нами Бог!»

⁹⁶ Шнырь – шестёрка, арестант выполняющий поручения другого, включая стирку, готовку и т.п.

⁹⁷ Тоже что и передача

⁹⁸ Если рассматривать их поступки с точки зрения воровских понятий, они были именно гадскими, так как шли против людского и их цель была сломать жизнь арестанту

Как я уже упоминал, у Гмырина почти в каждой хате была сука. И несмотря на то, что пиковые в пресс-хате двигались с его ведома, у них тоже были свои секреты, которые администрации знать не следовало. Куму явно нужен был сторонний наблюдатель.

И вот в один период времени у нас начали отлетать⁹⁹ на проверках тщательно спрятанные запреты, и смотрящие решили, что в хате завелась сука. В качестве очередного повода для психологического давления, одно время они открыто подозревали в этом и меня. Случалось, что я просыпался среди ночи и чувствовал – надо мной стоят и переговариваются между собой, решая сплю я или «шушарю»¹⁰⁰. Но повода подвести себя под суку¹⁰¹ я не давал.

Всё оказалось несколько прозаичнее. Уже когда начался пресс в отношении меня, к нам в камеру заехал семнадцатилетний паренёк в очках, с невзрачными усиками над губой, обвиняемый в разбойном нападении. Звали его Сашей. Саша был тихим, спокойным парнем, выглядел как типичный «ботаник». Он рассказывал, что на свободе лежал один раз в дурке, но судмедэкспертиза в тюрьме признала его вменяемым. Подельником у него был совершеннолетний молодой парень. Сидел Саша, как и много других малолеток, за отжатый¹⁰² мобильный телефон.

В те года на малолетке самыми распространёнными статьями, за которые отбывали срок подростки, были разбои, тяжкие телесные повреждения и убийства. Причём по 111 и 105¹⁰³ статье сидело большинство. Далее по «популярности» шли грабежи, а за кражи сидело меньшинство. А вот за наркотики, в отличие от взрослого контингента, где почти каждый третий сидел по 228¹⁰⁴ на малолетке не сидел никто. Во всяком случае, я таких не припоминаю.

Так вот, где-то через месяц после того, как Саша заехал к нам, смотрящие начали подозревать его в сучьих поступках. В хате Саша был шнифтовым. И однажды на проверке он погорел на том, что сбросил из сланца на продол маленькую записку, а остальные это заметили. В хате он попытался оправдаться, что это выпала малява, которую он спрятал от мусоров, но после тщательного «с пристрастием» разговора с армянами, признался, что записка предназначалась куму. Стало ясно, кто в хате стучал.

После этого мне стало несколько свободнее дышать в камере, так как пиковые переключились на нашего маленького стукачка. Он был слаб духом, морально задавлен и отпора им дать не мог. Саню сразу через смотрящего за малолеткой отстранили от воровского и определили на отдельную посуду из личной неприязни. Кушать за дубком дозволялось, и его сделали «смотрящим за дубком», то есть шнырём. Шнырить он стал конкретно: заваривал всей хате чай, стирал чужие трусы с носками и робу, делал пиковым массаж.

Махо пытался его склонить и к мужеложству. Однажды беспредельщик лежал в трусах на спине, а Саша массажировал ему ноги. Махо приказал ему массажировать всё выше и выше, пока тот не дошёл до середины бёдер.

– Давай, подрочи мне! – прошептал возбуждённый грузин, – Потрогай через трусы, ничего страшного не будет!

А Саша в ответ ломался как невинная девочка, но пидором так и не стал.

Однажды ночью я проснулся от того, что Махо заставлял стукача отжиматься. Когда Саша падал без сил, Махо бил его и заставлял по новой. Не скажу, что мне было жаль паренька, стукачей я никогда не любил, и с детства улица меня научила, что стучать плохо.

⁹⁹ Изъятие запрета сотрудниками администрации

¹⁰⁰ Подслушиваю

¹⁰¹ Выставить перед другими тем, кем я не являюсь

¹⁰² Отобранный

¹⁰³ Ст.111 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью; ст.105 УК РФ – убийство

¹⁰⁴ Ст.228 УК РФ напрямую связана с хранением и сбытом наркотических средств

Помню, мы шли с двумя друзьями из соседней деревни и по пути решили зайти на заброшенный завод. Нам было лет одиннадцать, не больше. Зайдя на территорию, мы забрались на крышу по единственной лестнице. Стоял тёплый летний день, настроение было отличное, мы прекрасно покупались, я, как и хотел, понырял с новой маской. И тут на крышу забираются три гопника, лет по семнадцать. С пакетами и клеем. Типичные потерянные дети конца девяностых годов. Увидев нас и отрезав путь к единственному спуску, они подошли.

— Кто такие? Откуда? – начались стандартные для гопоты вопросы.

Я ответил, что мы с Речиц, идём с карьера и задал встречный вопрос: «А вы-то откуда?». Особо их я не боялся, так как не думал, что на границе со своей деревней мы можем на кого-то нарваться. Многих местных я знал, относились ко мне как к своему, а посёлки на границе с деревней были «дружественными».

Гопники ответили, что они с одного из ближайших посёлков, в котором мы в то время часто гуляли, о чём я и упомянул, назвав предусмотрительно погремухи¹⁰⁵ некоторых местных знакомых, которые по-моему детскому мнению были в авторитете.

В детстве и юности я часто вёл, как дипломат, переговоры с гопотой и другими лицами, от которых могла исходить угроза, и много таких конфликтов свёл на нет. Но не в этот раз.

Одному из гопников, коренастому и обритому наголо, приглянулись мои часы, которые были подарком от отца. Я ими очень гордился и всегда носил на руке.

Начался стандартный развод в духе «дай посмотреть», «дай примерить», на что я ответил отказом. В ответ последовало конкретное требование снять часы. Я продолжал стоять на своём, за что в итоге получил кулаком в живот и ещё несколько ударов, после которых часы с меня уже просто сняли.

Я знал, если батя узнает, что меня кинули, то поедет искать эту гопоту. Поэтому придя домой сказал, что часы просто потерял. Не помню уже, ругали меня или нет, а может отец просто расстроился, но не показал этого, и я посчитал это лучшим исходом. Свои проблемы нужно решать самому либо с помощью друзей. Так меня приучили, и так я тогда жил. Гопников мы потом искали со старшими по трём посёлкам, но так и не нашли. Видимо были залётные, с другой деревни.

Отрицала, крысы и баланда

Однажды ночью, когда я уже спал, к нам в хату заехал парень с кичи. Кичей в тюрьме называется карцер. Для несовершеннолетних преступников официальным названием служило ДИЗО (дисциплинарный изолятор), а для взрослых – ШИЗО (штрафной изолятор). Никаких отличий между ДИЗО и ШИЗО по условиям содержания не было, кроме того, что малолеткам более семи суток в изоляторе дать не могли, в отличие от взрослых, которые выхватывали по пятнадцать суток.

Если ты был злостным нарушителем режима, то после отбытия наказания на киче могли поднять на сутки в камеру и потом снова вынести взыскание с последующим заключением в изолятор. Арестант, заехавший к нам, был как раз из «злостников» и с кичи почти не поднимался. Он называл себя отрицалой, не носил робу, не выходил на проверку и оказывал всяческое сопротивление сотрудникам администрации. Из-за множества нарушений режима содержания за год, проведённый в СИЗО, он большую часть времени провёл на киче. Его поднимали на сутки в разные камеры, потом закрывали в изолятор вновь. И в этот раз он оказался в нашей камере. Это был день, когда я реально мог продохнуть, ибо, как я уже говорил, для других арестантов моя камера считалась людской и о беспределе, творившемся в её стенах, никто не знал.

Новому арестанту меня представили, как скинхеда, отстранённого от воровского. Приблатнённая «братва» хаты всё расспрашивала отрицалу о жизни на киче. Он рассказывал, что

¹⁰⁵ То же, что и погоняло

в карцере только деревянные нары, которые опускают лишь на ночь, и дальняк с раковиной. Сидишь на киче один. Камеры общие и для малолеток, и для взрослых, поэтому в соседней камере вполне мог оказаться взросляк. Связаться с соседом можно через отдушину, и общение -единственный способ скоротать там время. Так как тюрьма черная, то изолятор постоянно греется, с ним держат дорогу со старого корпуса и нехватки сигарет и чая особо не ощущается. В изоляторе много крыс: настоящих грызунов, а не зеков, которые украли у другого арестанта. По ночам они вылезают из дальняка и бродят по помещению карцера. Ночью вполне можно проснуться от того, что крыса теребит тебя за носок на ноге. Одну из них отрицала подкармливал пайкой хлеба.

До этого с крысами в тюрьме я не сталкивался. Но однажды, в той же 503, мне приснились крысы. Я открыл глаза, и увидел, что хата столпилась на пятаке¹⁰⁶, и смотрят в отдушину. А в отдушине бегают две крысы. Большие такие, жирненькие. Все опасались, как бы они не прыгнули в хату и громко обсуждали это, видимо, поэтому мне и приснился такой сон. Наутро сказали мусорам, те послали земогора, и от крыс избавились.

Баланда на централье была отвратная, и питались в основном запариками¹⁰⁷ с передач. Моим любимым «рецептом» было раздавить в пластиковой посудине две-три пачки роллтона, сверху нарезать мелко колбаски (в тюрьме разрешалась только сырокопчёная), крошить сыр, чтобы он покрывал сверху всю тарелку и залить всё это дело кипятком. После этого накрыть сверху ещё одной шлёмкой, дать запариться¹⁰⁸ и уже потом наверх с пайкой¹⁰⁹. О состоянии желудка после такого питания даже не думали.

На голяках, которые случались часто, приходилось брать баланду. Но мясо в баланде опасались есть. Поговаривали, что оно может быть не очень хорошего происхождения, и лично я радовался, когда в баланде давали сою. Она хоть питательная и вкусная.

По поводу мяса мы не ошибались. Однажды, взяв на обед суп – как сейчас помню, это был борщ – мы по частям собрали дохлую крысу из двух шлёмок. Сразу стало ясно, что за мясо нам подают, и пиковые решили отомстить баландёру. Дождавшись времени выдачи вечерней баланды, они вскипятили растительное масло в фаньче. Когда кормушка открылась, пиковые подозвали баландёра, чтобы показать какую пищу он принёс в обед. Когда тот заглянул в кормяк, ему выплеснули масло в лицо. Баландёр с криком упал на продол, завывая на весь корпус, а в открытый кормяк следом вышвырнули две шлёмки с крысой. Прибежал кум с режимником, и всю хату до отбоя закрыли в боксы, а смотрящего забрали в ДИЗО. Но, стоит отметить, мясо в баланде после этого поменялось. Видать, козлы, втайне от мусоров, брали себе хорошее мясо, а обычным зекам отлавливали крыс. Вот таким жестоким методом была восстановлена справедливость.

Время перемен

За три месяца пребывания в пресс-хате сменилось несколько лиц, кто участвовал в моём прессе. Беспредельщики прибывали и убывали. Кто-то уезжал на этап, кого-то переводил в другую хату кум, так как они не могли справиться с поставленной задачей. Неизменными лицами были только армянин Эдик, который помимо котла стал смотреть и за хатой, и грузин Махо. Они остались вдвоём из старого кумовского состава и уже не могли творить беспредел при других арестантах. Меня по-прежнему представляли другим беспредельщиком и скинхедом, но прессовать уже боялись.

¹⁰⁶ Площадь перед входом в камеру

¹⁰⁷ Лапша быстрого приготовления, в основном фирмы «Роллтон»

¹⁰⁸ Настояться

¹⁰⁹ Пайкой называют положенную порцию хлеба

В тот период на тюрьму заехал вор Мамука Гальский. Посадили его на спецкорпус, который располагался на первом этаже нового корпуса. Однажды, когда меня везли на продлёнку¹¹⁰ в суд, мне удалось пообщаться с ним на сборке. Я объяснил вору ситуацию, опустив момент о беспределе со стороны пиковых, ибо доказать это не было возможности, а без доказательств я бы прослыл интриганом. Я пояснил, что сижу по бритоголовой теме и меня объявили беспредельщиком, хотя в пределах тюрьмы за мной таких поступков не было. Жулик ответил, что за образ жизни и мировоззрение спроса нет и никто отстранять меня от общих дел не имел права. Вернувшись в камеру, я прямым текстом поставил всех в курс, что решил вопрос с Мамукой и являюсь порядочным арестантом. Возразить против слов вора никто не мог. С того дня я жил в хате на полных правах. Если до этого убивал время читая книги и рисуя, то сейчас стал принимать участие в тюремной жизни. Научился гнать дорогу, вести тачковку. Воровские понятия уже тогда знал хорошо, так как в хате регулярно велись дискуссии на эти темы, которые я внимательно слушал со своей шконки. Гадьё, прессовавшее меня, могло только злобно стискивать зубы, но сделать что-либо боялись, так как понимали, что теперь беспредел всплывёт.

Вскоре Эдик получил срок на суде и стал ждать «законку». Словить законку – значило получить постановление, что приговор вступил в законную силу. По закону, осужденному даётся десять дней после приговора на то, чтобы написать кассационную жалобу. В случае её отсутствия приговор вступает в законную силу, и арестант едет на зону. Так же жалобу мог написать прокурор, несогласный с мягким, по его мнению, решением суда. В этом случае арестант тоже остаётся в тюрьме до рассмотрения. Когда Эдик словил законку, кум, поняв, что его затея не удалась, решил раскидать хату по разным камерам. Это стандартная практика для пресс-хат на чёрных тюрьмах. Камеру с кумовскими собирают для пресса нужного арестанта, а после достижения цели либо провала, хату раскидывают. Так случилось и с нашей камерой. Когда всю хату заказали со всеми вещами, Эдик сказал, что теперь смотрящим за котлом стану я, и тюремный общак едет со мной. Не знаю почему он принял такое решение. Видимо разглядел во мне те качества, которые должны быть у человека при такой ответственности. А может не хотел, чтобы я поднимал вопрос за их беспредел. Но так или иначе, котёл поехал со мной.

Эдика и Махо перевели от меня подальше, отправив на «копейки» на старый корпус. А меня перевели в камеру 608, которая находилась неподалёку, на том же этаже. Саша, который был объявленной¹¹¹ сукой, отправился со мной.

Зайдя в хату, я поздоровался и представился, сказав, что являюсь смотрящим за котлом и мне нужна помощь перенести его в новую камеру. Смотрящим был крупный рыжий парень с большой бородой, который выглядел лет на двадцать. Он отправил со мной пару зеков, и мы перенесли общак в хату. В камере помимо меня было семь человек, а у смотрящего было соответствующее его внешности погоняло – Борода. За хатным общим смотрел Оскал, тоже крепкий парень, кореш Бороды. Помимо них в хате сидели Рома Фанат, Лёха Гусь, Рома Фриц, Ваня Коша и гашеный Артём.

Борода оказался моим земляком, живущим на соседнем районе. Наши районы испокон веков враждовали между собой, так как это были бывшие посёлки на окраине Москвы с соответствующим менталитетом. Ещё во времена моей юности наши местные гопники собирались биться с их районом и часто в этом преуспевали. Зайдя на вражеский район можно выйти оттуда на машине скорой. Очень легко было попасть под гоп-стоп, и это был самый лёгкий исход событий. Бывали и исключения, когда кто-то с их района тусил на нашем, но в основном это были крупные авторитетные ребята, которых все боялись и уважали. Им за это никто ничего не мог предъявить. Но в тюрьме районной вражде не было места, и соседство, напротив,

¹¹⁰ Судебное заседание по продлению срока ареста. Проводится каждые два месяца

¹¹¹ Жил на положении, соответствующем его поступкам

объединяло. Тем более у нас оказались общие знакомые, а землячество в неволе ценно. Борода очень радушно меня принял и сразу собрал дубок отметить новоселье, а заодно познакомил со всей хатой.

Рома Фанат был наполовину дагестанец, пятнадцатилетний крепкий парень, который сидел за причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Считал себя русским, был крещён в Православии, на воле гонял за Спартак и дружил со скинами. Он часто гулял со своим старшим совершеннолетним братом и его друзьями. Однажды¹¹² они прогуливались с девушками по Текстильщикам и громко между собой разговаривали. Навстречу им шли два молодых парня в нетрезвом виде, которым не понравилась шумная компания. Один из них начал конфликт, подойдя с угрозами к молодым людям, и, достав ксиву, заявил, что он с другом из ФСБ. Брат Фаната, увидев, что удостоверение принадлежит сотруднику МВД, а не ФСБ, расвирипел и со своим другом начал избивать подвыпивших сотрудников в гражданском. Сбив их с ног, они взяли лежащий неподалёку бетонный брус и кинули обоим на голову. Итог: один скончался, второй парализован на всю жизнь. Фанат, по его словам, нанёс им всего пару ударов ногой во время драки. Так как потерпевшие были не при исполнении, то дополнительной статьи за нападение на сотрудников не было. Но все сотрудники ГУФСИН знали, что покалечили они сотрудников милиции, и страдал Фанат от легавых по полной. Ему максимально дербанили передачи, разрезая даже туалетную бумагу, и не пускали под разными предлогами родных на свидания. В тюрьме сотрудники не любят тех, кто осужден за преступления против их коллег и всячески стараются им «поднасрать».

Тёзку Фаната, Рому «Фрица», обвиняли в громком преступлении, убийстве армянина Артура Сардаряна, которое до сих пор считается нераскрытым. Сам Фриц участие в преступлении отрицал, сказав, что задержали его по ошибке.

Гусь сидел за множество убийств, точное количество уже не помню, но жмура три-четыре на нём висело. Он с друзьями облюбовал для тусовок одинокую беседку на поляне в подмосковных Люберцах. Однажды, придя на место сбора, они обнаружили в беседке компанию алкашей, распивавших со своими этиловыми герцогинями неопределённого вида пойло. В ответ на просьбу освободить поляну, алкаши послали молодёжь на три буквы. Молодёжь ушла, но вскоре вернулась с ножами и палками. Одного алкаша они застали в стороне, поливавшего своей росой кусты. Зарезав жертву, они вышли на поляну, измазанные кровью. Гусь давал мне читать обвинительное заключение, в котором было написано, что, когда они вышли на поляну, одна из пропитых мадам воскликнула в ужасе: «Ребята, вы кто?». На что подельник Гуся ответил: «Мы не ребята, мы сатана!» – и начал кромсать первого подвернувшегося под руку пьянчугу. Одному из алкоголиков, который, как выяснилось позже, оказался чемпионом по конькобежному спорту СССР, они пробили в голове 132 дырки палкой с гвоздём. Убили всех, кроме женщин, которых трогать не стали. Вскоре Гусь и его друзья были задержаны и отправлены в тюрьму. Всего их было четверо: двое малолеток и двоим уже было восемнадцать. Погоняло своё Гусь получил за походку: он ходил, покачивая головой. Объяснял это тем, что до пяти лет был инвалидом и не мог ходить из-за травмы позвоночника. Ни один врач помочь не мог, и родители повезли его в деревню к знахарке, которая за короткий срок поставила его на ноги. Но последствиями осталась походка, как у гуся.

Артём был гашенным и убирался в хате. Загасился он, как сказал Борода, покурив после пидора. Саша-стукач, перед переездом в новую камеру, слёзно обещал мне больше не стучать. Особо я ему не верил, но помнил, что и он страдал от беспредельщиков, и поэтому решил дать ему шанс. Поставив в курс новую хату, что за ним были сучьи поступки, сказал, что ломить и гнобить его не надо, посмотрим, как будет жить в дальнейшем. В новой камере между Сань-

¹¹² Сейчас и в дальнейшем, истории о преступлениях рассказываю со слов лиц их совершивших. Происходило ли это так на самом деле – мне неизвестно

ком и Артёмом разделили обязанности уборки: стукач стал отвечать за чистоту дубка, а за гашенным остался дальняк и пол.

В камере было девять мест: две двухъярусных шконки, стоящих буквой «Г» у левой стены, две двуспальных шконки у правой и «остров» напротив дальняка. На двуспальной шконке у окна спали Борода и Оскал. Я разместился на аналогичной шконке по соседству с Фанатом. Котёл поставили под моим спальным местом. Я начал обживаться в новой хате.

Смотреть за котлом огромная ответственность. Я должен был вести тачковку, в которой идёт полный перечень содержимого общака. Мусорам в руки тачковка попасть не должна. Делай что хочешь, хоть ешь её, но ментам не давай. Пополнялся котёл ежедневно со всех камер корпуса путём дороги. И ежедневно мы отправляли насущное в другие хаты. Нуждается кто-нибудь в сигаретах или чае? Идёт до нас цепь, и мы высылаем необходимое. Пришла на корпус какому-нибудь арестанту передача? Нам отсылают нужду на общее.

Уделять на общак никто никого не обязывает, но есть негласное правило, по которому с каждой передачи отсылают часть насущного на котёл. Если это не произойдёт, то о хате, смотрящем и арестанте, получившем передачу, будет соответствующее мнение, которое в дальнейшем не сулит ничего хорошего. При первом же рамсе тебя упрекнут в том, что ты не уделял на общее, да и сам можешь лишиться помощи, когда потребуется. При всей моей отстранённости от преступного мира, я считаю, что это правильная система, ведь общак зачастую выручает нуждающихся. Есть арестанты, которые не получают передачи с воли, есть те, кто сидит на голяках, а кабанчик в ближайшее время и не предвидится. В таком случае на помощь и приходит котёл. Помогает он и новеньким и транзитам¹¹³. По прибытии в тюрьму тебя всегда снабдят необходимым на первое время, ну а дальнейшая жизнь зависит только от тебя. Есть тюремная поговорка: «Хочешь жить – умей вертеться». Кто её понимает, тот в тюрьме не пропадёт.

Я сразу попал в хатную братву. Оскал смотрящим за хатным общим, а я смотрел за котлом. В камере 608 я и получил свою погремуху: «Сухой». Уже не помню истинную причину: то ли потому что был худой и жилистый, то ли из-за характера. Как-то мне говорили, что похож характером на персонажа российского сериала «Зона» – Митю Сухого. А на воле меня звали как раз Митяем. После прибытия в 608, иначе как Сухим в тюрьме меня не называли.

Погоняла в тюрьме получают по-разному. Кто-то получает спонтанно. А кому-то погремуху выбирает тюрьма. Есть такая тюремная забава: подтягивается вечером арестант на решку¹¹⁴ и кричит в окно: «Тюрьма-старушка, дай погремушку! Не мусорскую, а воровскую, не мастёвую, а путёвую!». И начинают ему кричать со всего корпуса погоняла. А он в ответ: «Катит!» – если погоняло понравилось, или: «Не катит!». Были забавные случаи, когда арестант плохо расслышал погоняло, кричал: «Катит!» – а потом жалел об этом, так как оно оказывалось смешным или похабным. Но никуда не денешься: выбрал? Носи. После выбора погремухи, арестант пел песню в решётку. Любую, на свой выбор. Новое погоняло отмечали, собирая под чифир дубок.

В камере я быстро наладил свой собственный тату-салон. Кольщиков у нас не было и что-то простое набить мог только Борода, который сделал мне одну партачку. А я с детства любил рисовать. Нигде этому не учился, но рисовал много и везде, где только мог. Последняя парта в школе, на которой я просиживал уроки, была вся изрисована моими каракулями. С годами учёбы рисунки на парте менялись: хаерастых металлистов, надписи Slayer и Metallica сменили символики РНЕ и НБП, изображения скинов и панков, свастика и кельтских крестов.

В тюрьме свободного времени было много. В пресс-хате в перерывах между прессом и перемахами я много читал и рисовал. Продолжил рисовать и в 608. Рисовал изображения с

¹¹³ Арестантам, которые в данной тюрьме проездом

¹¹⁴ Решётку

открыток, с журналов. Перерисовывал чужие рисунки, красиво оформлял письма домой, завёл свою тетрадку с эскизами тюремных наколок. Вывел себе «тюремный» почерк.

Есть два вида тюремного почерка: первый – прописной, с вензелями, напоминавший дореволюционный почерк. Второй – печатный, аккуратный, где каждая буква отдельна от другой. Создание единого почерка в преступном мире делало почти невозможным выявить истинного автора написанного. Такими почерками писали обращения, прогоны. И у тюремного языка – «фени» – изначально была такая же цель – смысл сказанного не должны понять мусора. На малолетке я овладел прописным вариантом тюремного почерка. Вместо своего кривого размашистого старого почерка я вывел каллиграфический почерк с вензелями.

Мне всегда было интересно начать бить наколки, и в 608 я занялся этим в полной мере. Сделал собственную першню, и моей первой «жертвой» стал Гусь. Колол ему изображение смерти с косой на груди, что означало: «Пока я жив, у вас есть горе». Буквальное значение – человек отбывает наказание за убийство. Иногда к данной наколке добавляли черепа в ногах жнеца, что означает количество жертв.

После Гуся я начал бить себе партаки на левой руке, и вскоре ко мне подтянулись и другие арестанты, желавшие приукрасить своё тело новой наколкой. Так как машинки не было, то били в основном мелкие изображения – перстни, аббревиатуры, фразы. Иногда кололи небольшие несложные рисунки.

В тюрьме процветало разнообразное творчество. Из хлеба и сахара делали клейстер¹¹⁵, из которого потом лепили зарики¹¹⁶ для нард или чётки. Чётки были самым ходовым ширпотребом в тюрьме, их крутил каждый второй арестант на малолетке. Были они чаще всего перекидными, но попадались и религиозные, с шариками. Делали чётки и из пластика, выжигая формы из упаковок «Доширака» на самодельной лампадке.

Традиция крутить перекидные чётки пришла от карманников, с их помощью они развивали пальцы, не теряя навык в тюрьме. Крутил чётки и я, это помогало успокаивать нервы. Так как у меня длинные и тонкие пальцы, то научился крутить их довольно быстро и ловко, редко за мной кто поспевал.

Ложился спать часа в три ночи, вместе с Оскалом и Бородой. К тому времени на дороге наступало затишье, и можно было позволить себе отдохнуть, оставив на ногах одного дорожника и ночного шнифтового. Кстати, на малолетке так и говорили – не спать, а отдыхать. Спят вместе, а отдыхают по отдельности. Перед утренней проверкой нас будил дневной шнифтовой, и после неё мы снова ложились спать до обеда или прогулки. Последние старались не пропускать, ведь в прогулочных двориках можно было подышать более-менее свежим воздухом, пообщаться перекрикиваясь с соседними камерами и позаниматься на турнике. А иногда случалось столкнуться на лестнице с другой хатой, в которой сидит какой-либо знакомый или поделник.

Пермский маньяк

Однажды к нам в хату заехал коренастый парнишка невысокого роста. Приехал он этапом с Пермского централа вместе с поделником, которого посадили на «копейки». Их привезли на обследование в Серпы. Серпами назывался московский Центр имени В.П. Сербского, где проводилась судебно-медицинская экспертиза. Везли туда обследоваться со всей России.

Судебно-медицинскую экспертизу обязаны делать всем, кто обвинялся в тяжких и особо тяжких преступлениях. Но на Серпы возили не всех. Так как статьи, в которых меня обвиняли, попадали под обе категории, то и ко мне с поделниками приезжали делать экспертизу психического здоровья. Нас по одному выводили «на легке», что означало, что тебя вызывают куда-либо в пределах тюрьмы. На оперском корпусе в отдельном кабинете сидели врачи, которые

¹¹⁵ Липкий материал, сделанный из хлебного мякиша

¹¹⁶ Кубики

дали нам различные тесты, показывали картинки и на основании этого делали психиатрическую экспертизу. Но некоторых арестантов, особенно сидевших за убийства, суд отправлял на медицинское освидетельствование, и тогда их везли на Серпы.

Пермяк сразу показался мне странным. Паренёк сидел уже год, закрыли его в четырнадцать лет, и было на нём около пяти¹¹⁷ трупов. По его рассказам на пермской малолетке творился дикий беспредел, все друг друга били, могли по беспределу опустить. Мы решили пробить за его тюремную биографию на копейках, где сидел ещё один пермяк, и получили ответ, что арестанты они порядочные и недостойных поступков за ними нет. Пустили в массу, но по личной неприязни сказали ему пить с отдельной кружки и общую посуду не трогать.

Личная неприязнь обосновывалась тем, что этот маленький выродок убивал людей ради удовольствия, не гнушаясь переступать границы морали. Два пермских малолетних дебила, надышавшись клеем, поспорили, сколько людей они успеют убить, пока их не поймают. В итоге грохнули пятерых мужчин. Одного из потерпевших малолетки убили на автобусной остановке, после чего сидели на трупе и пыхали клеем, смотря на проходящих мимо людей. Рассказывая о преступлении, он не забыл упомянуть о том, что отрезал одной из жертв ногу и думал её сварить и съесть. Но в последний момент в голове что-то стукнуло, и от намерения стать каннибалом он отказался.

Хоть на малолетке большинство сидели за убийства, но таких конченных ублюдков я видел единицы. Даже Гусь с его жертвами выглядел безобидно, по сравнению с этим существом. У нас пермяк сразу получил погоняло: Пермский маньяк или, как мы называли его для краткости, просто Маньяк.

Помню, однажды ночью решили мы вызвать пиковую даму. Развлекались как могли – дети же, хоть и по локоть в крови. Одеждами занавесили ночник и оба окна так, что в камере повисла крошечная тьма. Все легли по шконкам, а я, Гусь и Маньяк пошли на дальняк, где висело единственное зеркало. Зажгли самодельную лампадку, и Гусь, нарисовав мылом на зеркале лестницу и точку, начал говорить слова вызова. Я смотрел на зеркало – ничего не происходило. Тут Пермский маньяк задрожал от страха, вцепился мне в ногу и завопил: «Она же движется! Точка движется!». Я помню, ещё подумал: «Столько людей убил, а какой-то детской страшилки боится». Тем временем Маньяк дрожал всё сильнее и заорал Гусю: «Стирай, стирай её!», а Гусь стоит, глазами своими безумными во тьме светит и злорадно ржёт. Пермский маньяк начал орать Гусю, что убьёт его, тот в ответ говорит: «Ну давай, попробуй!». Игра начала перерастать в конфликт. Стоит заметить, Гусь ростом примерно с меня¹¹⁸ в отличие от мелкого, не более 170 сантиметров ростом, Пермского маньяка. Я уж от греха подальше решил отойти в сторону и прилёг на свою шконку посмотреть, что будет дальше. Борода тоже не встревал и с интересом смотрел на развивавшийся рамс.

А Гусь продолжает подогревать страх пермяка, приговаривая: «Она идёт, идёт, скоро будет здесь!» – и сверкая своими безумными глазами. Пермяк не выдержал, сорвался с места и побежал к «языку» – так называлась железная тюремная полка, ввинченная в стену. В 608 у нас была чуть ли не единственная на малолетке «кабура» – небольшая дыра в стене для связи с соседней хатой. И долбили эту кабуру мы здоровенным болтом, который умудрились вытащить из креплений «языка».

В общем, подбегает пермяк к языку, выхватывает из стены этот болт и бежит на Гуся. Тут уже мы с Бородой и Оскалом подорвались со шконок, понимая, что шутки закончились, но пермяк успел преодолеть расстояние от языка до дальняка и забежал за слоник. Посмотрел он, посмотрел на Гуся, который уже встал в стойку готовый отбиваться. «Ну всё, сейчас начнут валить друг друга», – подумали мы, но пермяк как начал долбить болтом зеркало в область

¹¹⁷ Здесь и дальше пишу примерное количество, так как точно уже не помню

¹¹⁸ Около двух метров

нарисованной лестницы. А тюремное зеркало разбить невозможно, оно сделано из такого материала, что его можно только покрыть трещинами, что тот и сделал. Мы налетели на него, дали пару затрещин, и, забрав болт, отправили спать. Гусю тоже выговорили за провокацию, нечего выводить кандидата в признанные¹¹⁹.

Через какое-то время пермяка увезли на Серпы, а уже позже, через месяц, приходит к нам инфа с копеек. Туда заехал транзитом зек, один из авторитетов на пермской малолетке, которого знало даже взросло. И он заявил, что Пермский маньяк, поделщик маньяка и пермяк, который их покрывал, на пермской малолетке жили пид*расами, а, приехав в Москву, засушались¹²⁰. Поделщика маньяка, который уже вернулся к тому времени с Серпов, вшатали¹²¹ в хате и сломили с копеек в «обижню»¹²². Мы же ждали Маньяка, надеясь, что он попадёт к нам в камеру, чтобы расплатиться с ним сполна. Думаю, на своих ногах он бы с хаты не вышел. Но ему повезло. Вернувшись на централ, он ещё на сборке узнал о том, что их тайна раскрыта и отказался заходить в нашу хату, определив себя сам к обиженным.

В тюрьме есть такое понятие – «по незнанке не катит». Поэтому «зашквариться» мы никак не могли, так как не знали о его тюремном статусе. А для собственного успокоения понимали, что не зря посадили его изначально на отдельную посуду. Но нас разбирала досада, так как злость на него всё равно была, и её очень сильно хотелось выплеснуть. Но увы, а может и к счастью, не удалось.

В Братве

Через пару месяцев Борода и Оскал, хоть и не были поделщиками, почти одновременно получили законки и уехали на этап. Смотрящим хотели поставить меня, но так как я грузился за котлом, то лишнюю ответственность брать не хотел. Собрав дубок, мы решили, что за хатой будет смотреть «братва», в которую вошёл я, Фанат, которого единогласно поставили смотреть за хатным общим, и Гусь. К этому времени, моё дело передали в прокуратуру, и всё чаще вместе с поделщиками стали вывозить «по сезону» к следователю.

Когда меня повезли на следственные действия из пресс-хаты, незадолго до перевода в 608, родители увидели меня близко впервые почти за полгода. До этого, мы встречались только на продлении срока задержания, которые проходили каждые два месяца до передачи дела в суд. Мама сказала, что я сильно изменился, похудел и смотрю, как волчонок. Хорошо, что она не знала, что мне пришлось пройти. Родители давали нам с поделщиками всякие вкусности, которые в тюрьме были запрещены: сладости, варёную колбасу. На централье разрешали только сырокопчёную колбасу, так как её можно хранить вне холодильника, и варёная была в радость. Мои родители подкармливали и Хаттаба, который был сиротой.

Со временем наша хата пополнилась новыми сидельцами: вместо Фрица к нам заехал его поделщик Дима Змей и парнишка Афонин, который из-за своей фамилии сразу получил от меня погоняло «Нафаня». Нафаня был не по годам крепкий, по его словам, регулярно ходил в тренажерный зал. Но несмотря на развитую мускулатуру, он был довольно трусоват. В нашей хате, как и везде на малолетке, постоянно физически глумились, дрались в шутку, боролись. Но, когда начинали глумиться с Афониным, он, несмотря на свою комплекцию, которая была крупнее большинства из нас, сразу кричал: «Расход с глумом!» – после чего глум должен прекратиться. Помимо небольшой трусости Нафаня был туповат и часто косячил, за что я дополнил его прозвище титулом "Бивноватый". Был Нафаня, а стал Нафаня Бивноватый. Бивнями на малолетке называли глуповатых, косячных арестантов. Сидел Нафаня за разбой, а в соседнюю хату 607 заехал его поделщик Фил.

¹¹⁹ Арестант, признанный судом невменяемым

¹²⁰ Скрыли

¹²¹ Избили

¹²² Камера, где сидят обиженные

Дима Змей с детства занимался айкидо, на мой взгляд бесполезным видом боевых искусств, но это не мешало ему быть спортивного телосложения и неплохо уметь драться. Своё участие в убийстве Сардаряна он также отрицал. Змей был начитанным и образованным, мы с ним быстро нашли общий язык, и он действительно был идейным соратником, которого я был рад встретить в застенках. Мы всегда могли найти о чём поговорить, по вечерам проводили застольные беседы – заваривали глубокую миску купчика и садились за дубок общаться. Темы для разговоров были самые разные, от истории и идеологии до религии и философии. Другие обычно в наш разговор не вступали и с интересом слушали.

Вскоре мне надоела постоянная волокита с котлом, да и закручивание гаек¹²³ со стороны кума вечно напрягало. Минусы котловой хаты в том, что отрицать в ней нельзя, так как это ставило общак корпуса под риск. Я начал вести переговоры со Змеем с семёрок, «тёзкой» нашего сокамерника. Змей тоже был скинхедом на свободе, но в тюрьме быстро увлёкся воровскими понятиями, смотрел за хатой и пользовался авторитетом. Сидел он более года и ранее уже смотрел за котлом. Долго уговаривать себя он не заставил и почти сразу согласился перегнать общее к нему в хату.

В итоге просмотрел я за котлом всего пару месяцев. Избавившись от него, мы собрали дубок, где поставили нашего Змея смотрящим за хатой, меня смотрягой за хатным общим, Фаната дорожником, так как Коша уехал на этап, а Гусь остался в братве смотреть за ночной массой. Помимо организационных моментов на повестку дня вынесли вопрос о «шатании режима», ведь пора наконец, ослабить хватку «псов системы», а отсутствие котла развязало нам руки. Так как многие из нас часто ездили на следственный действия или суды, то мы начали потихоньку перетягивать в хату вольные вещи, пронося их под робой. Со временем, когда у нас уже было достаточно шмота, и в робе отпала надобность, мы дружно вышвырнули её на проверку на продол. Гмырин тоже в долгу не оставался. За наше неповиновение сотрудники администрации постоянно выносили с хаты телевизор и матрасы. Особенно страдала от этого ночная масса, так как матрасы отдавали только на ночь и спать им приходилось на железных рейках шконок. Часто всю хату битком забивали в боксы, где держали целый день, с завтрака до обеда, с обеда до ужина. По одному заводили в кабинет, где Гмырин избивал нас скрученной во много слоёв проволокой. Но, несмотря ни на что, мы продолжали отрицать робу и режим, который нам пытались навязать.

Помимо нас шатать режим начали многие хаты. На малолетке несколько раз проходили кипежи, во время которых весь корпус долбил в двери камер фанычами и ногами, от чего стоял грохот на всю тюрьму. Во время одного из таких кипежей, выбив кормяк, я засветил мусору ногой в голову, за что получил в личное дело полосу «склонен к нападению на сотрудников» и очередное взыскание за нарушение режима. За каждое взыскание должна проводиться дисциплинарная комиссия, результатом которой мог стать карцер, но мне чудом везло. Несмотря на несколько десятков взысканий, которых я набрал в тот период, ни на одной дисциплинарной комиссии я не был. Отчасти от того, что часто ездил к следователю и в суд. Бывает, назначат дату моей комиссии, а я весь день пробуду в прокуратуре и комиссию отменяют. А ранее смотрел за котлом, и братву централа¹²⁴, к которой я волей случая стал относиться, в изолятор закрывают в исключительных случаях. В итоге мы и другие арестанты добились своего, и робу на малолетке отменили, а режим стал мягче. *Patria y libertad!*

Суд и первое свидание

Осенью 2006-го года я поехал в прокуратуру на закрытие уголовного дела для передачи в суд. Оно состояло из трёх томов, с которыми мне предстояло ознакомиться. В основном суч-

¹²³ Ужесточение режима

¹²⁴ Люди, находящиеся при ответственности высокого ранга на централе. К ним относится положенец, смотрящие за корпусом, транзитом, игрой, кичей, котлом и т.п.

ная бумажная волокита: экспертизы, наши показания, показания потерпевших и свидетелей. Были и фотографии. Так как наши дела объединили и судить предстояло четверых подсудимых по разным статьям, то в деле были и материалы по убийству, которое совершил Шульцген на пару с Тито. Особенно запомнились фотографии трупа с разных ракурсов: тело жертвы, лежащее на окровавленном снегу, и изуродованное лицо крупным планом. За время следствия им сначала перебили статью с убийства на тяжкие телесные, повлекшие смерть. А ко времени закрытия дела статью смягчили ещё на убийство по неосторожности, по которой срок лишения свободы не превышал двух лет. А мне за время следствия перебили статью со 162 ч.3 на 162 ч.2, и в итоге к закрытию дела, обвинялся я по двум эпизодам 162 части второй. Это радовало, так как третья часть была особо тяжкой и предусматривала от семи лет лишения свободы. Вторая же на тот момент шла от пяти¹²⁵ лет. Обычно малолеткам итоговый срок сокращают раза в два, поэтому если раньше я думал, что мне светит шесть-семь лет провести в лагерях, то сейчас надеялся, что получу не более пятака.

Одно время нам грозила статья о участии в экстремистском сообществе из-за показаний одноклассника Шульцгена. Тот, будучи сам скинхедом, «ввалил»¹²⁶ Шульцгена операм, сказав, что да, Шульцген является скинхедом и, по его же словам, регулярно участвует в нападениях на иммигрантов. Но одних показаний свидетеля для возбуждения уголовного дела по данной статье не хватило, и в обвинительном заключении она не фигурировала.

Ознакомившись с материалами дела и подписав все необходимые документы, мы получили на руки обвинительное заключение, которое означало то, что дело передаётся из прокуратуры в суд.

Начались судебные заседания.

На суд обычно заказывали с вечера, а забирали рано утром, ещё до утренней проверки. С утра вели на сборку, уже набитую другими заключёнными. Там сидели вперемешку и взрослые, и малолетки. Так как ждать порой приходилось по несколько часов, то на единственной лавке размещались старики и инвалиды, остальные арестанты сидели на корточках.

Помню, ещё давным-давно, в 2004-ом году, возвращаясь с отцом из Раменского суда, на котором я получил условный срок, на станции присел на корточки. Отец тогда отругал меня и сказал, что на корточках буду сидеть, если посадят в тюрьму. Тогда я не понял смысла этой фразы. Теперь же, сидя на кортах на сборке в ожидании поездки на суд, я понимал, что он имел в виду. Отец мой в тюрьме не сидел, но, видать, некоторые подробности знал. На нашем районе среди его бывших одноклассников и одноклассников, было много тех, кто пошёл по кривой дорожке и попал в лагеря. Сидеть на корточках – чисто тюремная традиция, так как ожидая этап, выезд на суд, справляя большую нужду на дальняке, тебе приходится сидеть на корточках, хочешь ты этого или нет. Стоять по несколько часов сможет далеко не каждый. В итоге привыкаешь и уже можешь сидеть «на кортах» часами.

Стены сборки, как и прогулочные дворики, были расписаны различными надписями от погонял сидельцев, номеров хат и дат сроков, до крылатых фраз и афоризмов. Больше всего меня повеселил афоризм: «Тюрьма не х*й – садись, не бойся, а бойся на х*й сесть в тюрьме!».

Не на каждой сборке был дальняк, и по нужде приходилось звать продольного, чтобы он вывел в туалет. С этим моментом связан один казус. На сборке одному сидельцу сильно скрутило живот. Он начал проситься в туалет, но его не выводили. А сидельцу всё хуже и хуже. Уже и мы начали звать вертухая, чтобы отвёл его в уборную, но ведь верно говорят, есть менты, а есть мусора. В тот день дежурил именно второй тип легавой породы. А паренёк уже терпеть не может. Дали ему в итоге какой-то пакет, а у кого-то была бутылка воды, с которой содрали этикетку и дали страдальцу вместо бумаги. С горем пополам он справил нужду, но

¹²⁵ Насколько мне известно, уже после того, как я освободился, минимальный срок по ней сократили

¹²⁶ Сдал

вонь поднялась на всю сборку. Хорошо, не долго пришлось это терпеть и нас вывели на свежий воздух к автозеку.

Автозек отличался от автомобилей, в которых возили «по сезону». В прокуратуру ездили либо на обычной милицейской газели, либо на полугрузовом транспорте для транспортировки подследственных. Автозек же представлял из себя грузовик ЗИЛ защитного цвета, с двумя отсеками для перевозки заключённых. Напротив отсеков стояла скамья для конвоиров, в углу был расположен одинокий бокс. В него чаще всего сажали либо опущенных, либо кому светило ПЖ¹²⁷, либо бывших сотрудников. Перед тем как привезти в суд, автозек обычно заезжал в несколько тюрем, где набирал других заключённых и после этого развозил по судам.

В отличии от региональных городов, в Москве много тюрем: Бутырка, Матросская Тишина (где помимо тюрьмы располагались больничка и спецкорпус ФСБ), Медведково, Капотня, Водник, Лефортово (тюрьма ФСБ), Пресня, Печатники (женская тюрьма). Между арестантами централы называли по номерам. Водник был СИЗО 77/5, соответственно пятый централ. Женское СИЗО 77/6 – шестой централ. И так далее. По пути в Кузьминский суд из пятого централа мы часто заезжали в Бутырку, Матросску и Медведково с Пресней.

Если до этого в суд нас возили каждые два месяца на продление срока задержания, то теперь стали проходить полноценные судебные заседания. После приезда в суд помещали в просторные боксы, где мы ждали начала заседания. Стенки судебных боксов были неровными, бугристыми и твёрдыми. Не знаю из какого материала они сделаны, но напоминали камень, и облокотиться головой к стене, чтобы поспать, было нереально. Прежде чем придёт конвоир и поведёт в зал суда, можно прождать и несколько часов в таком боксе.

После окончания заседания снова помещали в бокс, и держали там до вечера, пока не начиналась погрузка в автозек. Из еды в дорогу давали сухой паёк, в который входили каши быстрого приготовления. Наестся ими было нереально, и мы обычно везли их обратно на централ, где запаривали кипятком и ели. В тюрьму привозили к отбою и, подержав на сборке, поднимали в хату. Обычно судовые, вне зависимости от того, чем занимались в хате, после возвращения из суда, утомленные заваливались спать. Бывало, что очередное заседание назначат на следующий день и, не дав толком отоспаться, утром снова дёргают на сборку.

Особенно тяжело было в дни, когда мы отрицали. Проведёшь день в боксах либо в хате без матрасов, а на утро дёргали на суд.

После того как закончилось следствие, мне наконец разрешили свидания с родственниками. Как я уже говорил, до этого я видел родителей только во время продления срока ареста и выездов в прокуратуру. Смотрел с белой завистью на сокамерников, которых вызывают на свидания к родителям. И вот, наконец, в один прекрасный день и меня продольный заказал «налегке».

В комнате свиданий меня и родителей разделяло два звуконепроницаемых стекла, между которыми был узкий коридор. Общаться можно было только по установленной телефонной трубке. Длилось свидание час. На первое свидание пришли оба родителей. Я немного расстроился, не увидев сестру.

Основную часть времени общался с матерью. В основном задавал стандартные вопросы: «Как дела?», «Как здоровье?», «Как на свободе?». А мать больше рассказывала. Сказала, что приходили друзья, но писем от них я не получал. Сказала, что домой часто звонит какая-то девушка по имени Ира, спрашивает обо мне. Но от неё писем тоже не было. Надо заметить, что Ира не была моей девушкой на свободе, более того я даже не знал, как она выглядит. Мы познакомились по телефону через подругу моей бывшей девушки, и регулярно общались. Но всё равно было обидно, что на свободе якобы интересуются моей судьбой, а письма приходят только от родных.

¹²⁷ Пожизненное

Поговорив с матерью, я попросил передать трубку отцу и обмолвился с ним парой фраз. С отцом у меня замечательные отношения, но типично мужские. Мы никогда не проводили время за долгими беседами, при этом советы, которые он мне давал с детства, определили многое в моих жизненных принципах. Отец всегда был для меня авторитетом. В мои годы на нашем районе у него было погоняло «Батя» за то, что он обладал умением вырубать почти всех с одного удара. Меня часто узнавали на улице, и спрашивали, не сын ли Бати я?

Помню ещё в девяностых мы выгуливали с отцом нашу собаку породы ротвейлер, и рядом остановился чёрный мерседес, за рулём которого сидел здоровенный выбритый наголо амбал в пиджаке и с цепью на шее. Типичный браток.

– Здорово, Бать! – крикнул он моему отцу.

Отец подошёл, они тепло поздоровались и пообщались. Потом он рассказал, что это один из его одноклассников, сейчас в братве. У него многие одноклассники и друзья детства пошли по кривой дороге. Кто-то в братве, кто-то топтал лагеря. Один сидел за то, что выкрутил жениху на свадьбе обе руки. Мой же отец закончил МАДИ и в СССР работал военным инженером над секретными проектами, в основном по ракетостроению. В соседнем с ним отделе разрабатывали небезызвестный «Буран». По его словам, многие проекты, над которыми они работали, до сих пор засекречены.

Редко кому удавалось выбиться в люди с нашего района. Это типичный рабочий район, на окраине Москвы, основу которого составляли пятиэтажные «хрущёвки» и «сталинки». Прабабка моего отца с восемью детьми в годы коллективизации бежала сюда от большевиков из Рязанской Губернии. Род мой по отцу шёл от трудовых крестьян, которые имели свою землю и честно трудились, но большевики посчитали их кулаками, и, как и многие, они попали под репрессии. Что случилось с прадедом, так и неизвестно, но скорее всего он пал от руки большевизма.

Тогда мой район был посёлком, и отец родился в небольшом бараке в пятидесятых годах. Вскоре посёлок присоединили к городу Перово, а ещё позже Перово присоединили к Москве. В конце восьмидесятых здесь родился и я. Несмотря на статус городского района, менталитет среди местных так и оставался деревенский. Все друг про друга всё знали, много было алкашей, сейчас много и наркоманов. Ещё во времена моей юности здесь продолжались чисто деревенские драки район на район. Но несмотря на всё, я любил наш район, как любил его и отец. За эти пятиэтажные дома, укрытые деревьями улицы, отсутствие новостроек¹²⁸, за дух той, старой России.

Отец научил меня никого не бояться, научил тому, что каждый, даже самый страшный с виду человек, имеет свои слабые стороны, и так же смертен, как и любой другой. Научил принципу «Если ты бился, то уже не проиграл», который всегда помогает мне по жизни. Ведь несмотря на любые трудности, нужно идти вперёд. Слабых жизнь не пытается сломать, они и так стоят на коленях. А сильным судьба всегда преподносит испытания. Так и живём.

Дорога на Вора

Наша камера находилась на третьем этаже нового корпуса, состоящего из четырёх этажей. Под нами был служебный этаж, где находились кабинеты сотрудников учреждения, а на первом этаже были уже упомянутые «пятёрки».

На нашей стороне крыла на пятерках находился спецпродол или «спецы», как мы его называли, где в одной камере сидел чеченский журналист, осуждённый по 282¹²⁹ статье, а в другой вор Мамука Гальский. В хате на спецпродоле обычно сидело не больше пяти человек.

Спецпродол сформировали во время моего пребывания в пресс-хате. Ранее там располагались камеры для малолеток, как раз оттуда сломился беспределщик Махо. Но позже хаты

¹²⁸ Сейчас, в связи с реновацией, ситуация меняется

¹²⁹ Экстремизм

раскидали, продол огородили локалкой¹³⁰ и заселили туда спецконтингент из взросляка. Туда и заехал по приезду на централ грузинский жулик. Его камера располагалась прямо под нами, через этаж, и дорогу с воров держать могли только мы.

Помимо малой вместимости спецы отличались от обычных камер тем, что на окнах у них стояли дополнительные решётки-«намордники» и дорогу гнать было достаточно трудно. Усложнялось это тем, что коня приходилось делать намного длиннее стандартного, так как держать его нужно было через административный этаж.

Через нашу камеру постоянно шли малявы вору со всех тюрем Москвы. Их загоняли нам по дороге судовые. Гнать такие малявы была большая ответственность, любая из них строго фиксировалась в дорожной тачковке.

Однажды, когда я спал, меня разбудил дорожник Фанат и Гусь. Они мне озвучили новость, от которой у меня волосы встали дыбом. У них оборвался конь, который шёл на вора, и упал на землю. В коне было более десятка маляв, которые мы получили накануне. Фанат и Гусь присели на конкретную измену, так как понимали, что если эти малявы попадут мусорам, то будет очень плохо, а с нас ещё и получат¹³¹. Со спецами общение держали в основном через раковину, и я пошёл с блатными на переговоры. В итоге, спустя час нервняка, пробежек от раковины к окну и долгих переговоров, ко времени, когда уже полностью рассвело, они смогли, наконец, затянуть малявы через козла с хозобслуги. У нас как камень с души упал. Но теперь я лично проверял на крепость каждого коня, дабы избежать подобных инцидентов.

Свидетель

Однажды к нам заехал паренёк, находившийся под следствием за семь эпизодов 162 ч.2¹³². Он мне сразу не понравился. Есть такой тип людей, сходу вызывающих отвращение. Крысёныш какой-то по характеру: юркий, хитрый. Мне стали интересны материалы его дела, и я попросил почитать объёбон. Объёбонами назывались все документы предварительного следствия, которые выдавались на руки подследственному. В основном это были постановления о аресте или обвинительные заключения.

Он протянул мне документ. Среди скучных, ничем не примечательных материалов дела я заметил то, что сразу привлекло моё внимание: данный индивид ранее проходил свидетелем обвинения по делу моего бывшего сокамерника. Свою находку я не стал оглашать вслух и подтянул к себе на беседу Фаната и Гуся. Змей тогда с нами ещё не сидел, и за хатой смотрела братва, то есть мы. Рассказав им о ситуации, предложил прессануть этого парня. Вообще так поступать нельзя, но мы были малолетками, а подросткам некуда девать накопленную энергию. Ведь сутками сидим в четырёх стенах. Не зря взросляки говорят, что с малолеток спроса нет, так как дети ведут неосознанный образ жизни.

По понятиям в дела подельников и свидетелей лезть нельзя, этот вопрос должен решать непосредственно сам обвиняемый по данному делу. Но мы воспользовались данным предложением, чтобы избить непонравившегося нам арестанта. Да, мотивация жестокая. Возможно несправедливая. Но тюрьма не пионерлагерь, а мы хищники, не овцы.

Можно было его вшатать и так, в открытую, но так как парню стучать ментам не впервой, нужно было провернуть всё грамотно, чтобы он не мог понять, как всё произошло. Разработали план, по которому Фанат начинает беседовать с жертвой при всей хате, на разговоре выводит его признание сучьего поступка, после чего я подаю сигнал, и Гусь накидывает ему на голову одеяло.

После вечерней проверки, Фанат сказал всей хате, что сейчас будет серьёзный разговор и пригласил новенького сесть за дубок. Сев напротив, он начал с ним общаться, сказав, что

¹³⁰ Дверь-решётка

¹³¹ Синоним спроса

¹³² Разбойное нападение, совершённое группой лиц

мы в курсе за ситуацию, и попросив разъяснить её. Я стал рядом с Фанатом напротив парня, а Гусь сзади, около двурусной шконки. Тот, понимая, что ему не отвертеться, а в тюрьме лучше не врать, признался, что проходил свидетелем по делу о разбойном нападении, где сдал своего знакомого.

– Ну, ты признаёшь, что сука? – спросил Фанат.

Парень в ответ начал мямлить отмазки.

– Ты признаёшь, что ты сука?! – не отступал Фанат. – На конкретный вопрос полагается только конкретный ответ! Да или нет?

– Да, признаю, – сдался парень.

– Что признаёшь? – Фанат ждал отчётливого заявления.

– Признаю, что я сука, – признание получено, приговор вынесен.

Я щелкнул пальцами, Гусь сорвал со второго яруса шконки одеяло и накинул жертве на голову, после чего последовал удар ногой в лицо, и свидетель слетел с козел на пол.

Били долго. Стараясь не отправить в больницу, и не разбить лицо, но в то же время вымещая всю накопившуюся злость. В первую очередь меня злило то, что сам он являлся преступником, захватил весь на «мур-волне»¹³³, а сам оказался вольным стукачком. Фраер, одним словом. На суд Линча подорвалась вся хата, так что вскоре пришлось оттащить от него других. На ночь забили его под шконку, и сказали утром по проверке не возвращаться в хату.

На следующее утро был «голый торс», и на проверке сотрудники увидели, что вся спина новенького покрыта синими гематомами, как будто за ночь ему сделали татуировку во всю спину. В хату, понятное дело, он не вернулся, и нас по одному начал дёргать кум на беседу. Но ответ следовал от всех один: «Не знаем, спали, видимо, упал».

На прогулке во дворик зашёл смотрящий за малолеткой. Зашёл и остановился у дверей. Мы столпились всей камерой, стоя наготове, всем своим видом давая понять, что если получат с одного из нас, то с дворика он не выйдет. Так и вели разговор на дистанции. Он спросил, за что мы его избили, я ему пояснил. Он постоял, помолчал, и сказав, чтобы мы больше так не делали, вышел.

Приговор

На заседаниях суда творился полный бардак. Мои потерпевшие не явились ни на одно слушание, заседания из-за этого переносили, часто возив нас впустую. Терпил объявили в розыск, но не нашли даже у них на родине. Свидетель, сдавший Шульцгена, не явился. На суде присутствовали только брат и жена потерпевшего по убийству, которые требовали от моих подельников компенсацию в размере нескольких миллионов рублей. Эта тяготица длилась всю осень.

Настал декабрь 2006-го года. Прокурор запросил нам реальные сроки лишения свободы. Точное число не помню, но мне запросили не меньше пяти-шести лет. В тюрьму после этого заседания возвращался угрюмым, хотя примерно такой срок и ожидал.

На приговор ехали на позитиве. Мы с Шульцгеном оба были «при параде»¹³⁴, только поменялись бомберами: он одел мой чёрный, а я его оливковый. Побрились перед приговором наголо.

Стоя в клетке зала суда, слушали долгую речь судьи и улыбались. Когда услышал приговор, моя улыбка стала ещё шире.

«... По ст. 162 ч.2 оправдать... в итоге приговаривается к трём годам лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии,» – я не верил своим ушам. По тому липо-

¹³³ Козыря воровскими понятиями

¹³⁴ Соблюдая внешний вид скинхедов.

вому эпизоду о разбое меня и подельников только что оправдали, а по второму (с подвалом) я получил три года. Всего три, когда я ожидал минимум шесть!

Мать в зале суда залилась слезами.

– Не плачь, мама! – крикнул я. – Три не семь, скоро буду дома!

Хаттаб получил три с половиной года суммарно с эпизодом за грабёж, Шульцген получил за убийство по неосторожности и разбой три года, а Тито всего год.

В тюрьму мы приехали на позитиве.

– Сколько? – спросили в хате, когда я зашёл.

– Три! – радостно ответил я.

Никто мне сначала не поверил, но потом собрали дубок и отпраздновали приговор цифиром.

Но долго радоваться не пришлось. Я ждал законку, уже готовясь к этапу на зону. С хаты меня собрали душевно, всего было в достатке, но, когда цензор подозвал к кормяку, вместо законки меня ждало постановление. Прокурор остался недоволен нашим сроком и написал жалобу на пересуд. Его, видите ли, не устраивало, что нас оправдали. И при этом не смущало, что преступление якобы было в начале марта, а освидетельствование в травмпункте потерпевший прошёл только после того, как нас посадили в середине марта. Не смущало его и то, что потерпевшего не было даже на суде, а вся доказательная база держится только на его показаниях. Но помня, как меня промотали опера, помня пытки и пресс-хаты, я понимал, что просто так меня не отпустят.

Всё только начиналось.

В тюрьме, кто был, тот в цирке не смеётся

С соседней камерой под номером 607 у нас была кабура в стене на дальняке. Днём мы её залепляли клейстером, пряча от любопытного взора легавых, а ночью открывали. За 607 смотрел скинхед по погонялу Слон. Сидел Слон за «белый вагон» по 111 ч.3¹³⁵: они избили иммигранта и сбросили его с электрички на ходу. По словам Слона, он состоял почти во всех возможных националистических организациях, ныне уже запрещённых и не существующих: и в ДПНИ, и в «Славянском Союзе», и тусовался с небезызвестным Тесаком и его «Форматом 18». Сам Слон был большим и толстым, за что и получил своё погоняло. Но, несмотря на его внешний вид, со свободы Слоны писала письма и присылала фото красивая девушка, которая обещала его ждать.

Я часто общался по кабуре со Слоном, но ещё больше сдружился с его сокамерником Филом, подельником Нафани. С Филом мы часами могли общаться на кабуре, обсуждая различные жизненные темы. После инцидента со свидетелем, Нафаню и Гуся перевели от нас, и в хату закинули Филя. Его мы сразу поставили на дорожку, а Фаната подтянули в братву.

Со временем у нас сформировалась постоянная «семейка»: рулили в хате я, Фанат и Змей, а Фил с нами корешился. Семейей или корешами в тюрьме называли людей, которые вместе питались, общались и держались друг за друга. Необязательно основой в таких отношениях была дружба, семью мог образовать и вынужденный союз. Особенно заметны семейные отношения на лагерях: из-за большого количества людей невозможно держаться общим коллективом, как в камере, поэтому живёшь либо семьёй, либо волком. Семейники обычно делят передачи между собой, помогая друг другу держаться на плаву в неволе. В камерах на малолетке у нас было всё общее, и основой нашей семьи являлись скорее дружеские отношения в «костяке» братвы. Конфликты, конечно, случались, на малолетке часто рвало крышу от неволи, гормонов и нехватки движения, и то и дело случались драки, даже между «близкими»¹³⁶, правда быстро пресекаемые.

¹³⁵ Причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц

¹³⁶ Друзьями

Режим на малолетке к тому времени уже разморозился, мы гоняли в вольных шмотках, затянули в хату спортивные сумки, в которых держали личные вещи (ранее это было запрещено), регулярно в хате был телевизор (ранее телевизор давали в камеру только за «хорошее поведение»). По телевизору смотрели в основном дебильные музыкальные каналы, потому что там крутили женщин, но много ли нам было надо? Растущие организмы, пубертатный период. Я вырезал с журналов и газет фотографии девушек и клеил их зубной пастой на внутренние стороны обложек тетрадей. Многие просили дать им мою «коллекцию» сходить «на сеанс»¹³⁷, но я сам не ходил и другим отказывал. Для меня эти фотографии несли эстетическое удовольствие, я перерисовывал эти картинки, мог лежать и любоваться ими, и воля тогда казалась не такой уж и далёкой.

Любимым клипом по MTV у меня была песня Pink – «U + Ur hand» с омерзительным феминистским текстом, в который, правда, я тогда особо не вникал. Мне нравился типаж певицы в некоторых эпизодах клипа и музыкальная подача. Мой слух, истосковавшийся по любимым риффам металла и панка, получал удовольствие и от подобного поп-рока. Настолько я кайфовал от просмотра данного клипа, что даже просил Фаната будить меня в то время, когда он начинался по телевизору. На тюрьме ты так или иначе спишь одновременно и чутко, и крепко, ибо часто приходится спать днём при свете под шум телевизора. Из-за этого бывало снилось то, что шло в это время по телевизору. Помню однажды мне приснился сон, что Гитлер выжил и эвакуировался с соратниками по партии на Северный Полюс, где они разработали летающие тарелки. Я просыпаюсь, рассказываю корешам сон, а они говорят, что только что по Рен-ТВ была про это передача.

Был любимый клип и у Фаната, тогда по телевизору начали крутить группу Tokio Hotel. – Какая классная вокалистка! – восхищался он. – Я влюбился, такая красивая девчонка!

Каждый раз он ждал их клипы, ходил после них на «сеансы». А потом в какой-то передаче, мы узнали, что на самом деле вокалист Tokio Hotel мужского пола. Фаната чуть не вырвало. Он разъярённый носился по камере под наш дружный гогот, и негодовал от того, что «на воле одни пид*расы! Куда мир катится!?».

На малолетке было много приколов и разводов. Одним из таких был «поход в ларёк». Заезжает с воли зелёный, а ему говорят, что от государства арестанту полагается пятьсот рублей на счёт в ларьке, с которого он может заказать себе продуктов. Отчасти это правда, ларёк или, как еще говорят магазин, в тюрьме на самом деле был. Если передача полагалась раза два в месяц, то через ларёк родственники могли делать покупки в камеру хоть каждый день. Но никаких денег от государства тебе не шло, это была разводка, чтобы поймать прикол и простебать первохода.

Мы не отставали от других, и тоже часто стебали зелёных, которые заезжали к нам в хату. С одним таким зелёным мы присели писать заявление в ларёк вместе. Я старался держать максимально серьёзный вид, а другие еле сдерживали смешки.

– Пиши, – говорю я. – Заявление. Так как мне от государства полагается пятьсот рублей, то прошу выдать мне, – и начинал перечислять.

В те времена на пятьсот рублей можно было неплохо так затовариться, и моя фантазия разыгрывалась по максимуму. В перечень входили и сигареты, и колбасы, и чай, и сгущенное молоко, и множество других продуктов питания.

– Вот принесут грев с ларька, обязательно удели какой-то процент на хату, на общее! – с серьёзным видом учил я.

Зелёный кивал, доверчиво посматривая на меня. Дописав заявление, мы говорили, что его необходимо отдать на утренней проверке. Наш план был в том, чтобы на проверке не присутствовали воспитатели, так как они сразу обломали бы прикол. Воспеты обычно были только

¹³⁷ Заняться онанизмом

на «голом торсе», который проходил во вторник и четверг, поэтому розыгрыш проводили накануне обычных проверок.

Новенький с утра выходил на проверку и отдавал заявление сотрудникам. Один раз нам попался юморной сотрудник. Он взял заявление, с серьёзным видом изучил его, говорит: «Ну что, пойдём в ларёк!» – и повёл зелёного в сторону боксов. Открыв бокс, показывает жестом ему пройти внутрь.

– А это что? – удивлённо спросил зелёный.

– А это лифт! – ответил легавый и закрыл его в боксе на час.

Нас, под дружный гогот, завели в хату.

В другой раз попался менее дружелюбный сотрудник, который отвёл зелёного к «кишке» и там дал ему под дых, после чего завёл обратно в камеру.

Разводов на какие-либо поступки или вещи на малолетке так же было множество. Это считалось непорядочной движухой и беспределом, особенно по отношению к новеньким, которые ещё не поняли толком тюремные порядки. Но малолетка есть малолетка, и разводы присутствовали почти в каждой хате. В тюрьме нужно следить за каждым своим словом, так как в хате может оказаться «акула», которая тебя на твоих же словах и сожрёт, причём сожрёт так, что может даже поломать судьбу.

Зелёных можно было элементарно развести на какие-либо вещи, достаточно просто сказать: «Давай с тобой поговорим минуту, и ты отдашь мне эту вещь». Обычно начинали ломаться, отказываться, и тут нужно было продавливать, дескать: «Что ты боишься, разве за минуту я тебя смогу развести?» После такой постановки вопроса большинство соглашалось, и вы начинали разговаривать. Разводящий задавал совершенно обычные вопросы: «Как дела?», «Как здоровье?», «Что делаешь?», а зелёный отвечал.

– Ну что, поговорили минуту? – через какое-то время говорит разводящий.

– Да поговорили, – тут ответа другого и быть не может.

– Ну всё, отдавай вещь.

В ответ на возмущение лоха, разводящий повторял фразу, с которой и началась разводка. «Давай с тобой поговорим минуту, и ты отдашь мне эту вещь». – Согласился? Согласился! Соответственно, пообещал и сам подписался. Минуту поговорили, и должен отдать вещь. А в тюрьме свои слова нужно держать.

Был и ещё более простой способ развода. Однажды к нам в камеру заехал странноватый паренёк по имени Гоша. Привезли его на Серпы с какого-то подмосковного централа, исследовать на психические заболевания. Сидел при этом он не за убийства, а за то ли за грабёж, то ли за кражу, уже не помню. Но по воле наблюдался в психдиспансере. Не знаю уж, придурился он или нет, но чудаковатым был точно. У Гоши на свободе была любящая бабушка, которая регулярно ему загоняла передачи, преисполненные её любовью. Тёплые вязанные носочки, подростковые журнальчики и прочее. Вообще такие журналы были огромной редкостью на малолетке, большинству родители и не думали засылать подобное в тюрьму, а сами мы не просили. Взрослыми же себя считали. Довольствовались газетами типа «Комсомольской Правды», которые бесплатно выписывала администрация для заключённых. И такие журналы были на вес золота, в первую очередь из-за количества глянцевого в них. И в одном из таких журналов, заглянув Гоше, я увидел плакат с того самого клипа Pink, о котором я писал выше. И хотя Гошу мне было жалко, особенно умиляла его любящая бабушка, увидев этот плакат, я аж подорвался со шконки. Мне претила мысль, что кто-нибудь, а может и сам Гоша, будут стирать кулаки на эту желанную для меня глянцевую музу.

– Подгони плакат! – подлетел я к Гоше.

А дурачок прижал к себе журнал, хотя понимал, что его у него никто не заберёт, так как я сам запрещал в хате разводить Гошу. И поэтому идёт в отказ.

– Подгони, Гоша, по-хорошему! – продолжал я.

Бить мне его не хотелось. Беспредел или нет, но мне кажется, не понял бы он слов, я смог бы применить и силу, так мне хотелось этот плакат.

Гоша снова в отказ. Вцепился в журнал и отдавать не хочет, мотая головой. Фанат принялся мне помогать, объясняя ему по-хорошему, как я прусь от этого клипа. Многие думали, что я влюбился в певицу, но это не так, мне нравились её образы в некоторых эпизодах клипа, которые напоминали мне о моей юности, неформальных подругах, напоминали о свободе.

Я уже начал терять терпение, проще втащить ему и забрать себе плакат, но в последний момент вспомнил о самой простой и быстрой разводке.

– Так, Гоша, – начал я. – Тебе базар за этот плакат нужен?

– Нет, не нужен. – ответил он.

– Не нужен, значит отдавай без базара! – деваться было некуда и плакат пришлось отдать.

Суть этой разводки была в том, что если бы он ответил, что базар нужен, то я провёл бы его по тому же сценарию, как и в разводке «Давай побазарим минуту, и ты отдашь эту вещь». Вопрос подразумевал ответ да или нет, но в обоих случаях ты «въезжал в дуба»¹³⁸ и попадал на предмет развода. Отвертеться можно было, ответив только: «Я тебе не отдам» или как-то по-другому. Всякие отмазки, типа: «Хватит меня разводить» – тоже не проканал бы: «Тебе задают конкретный вопрос, на него должен быть конкретный ответ, то есть да или нет». Вот и всё.

Но такие разводки могли прокатить только с зелёными, любой более-менее опытный арестант предъявил бы тебе за беспредел. И сам такие разводки я применял только ради смеха, реально развёл только Гошу.

В своё оправдание скажу, что Гоша не был умственно-отсталым или дауном, как это могло показаться: его чужаковатость выражалась в тупости и импульсивности. Он мог быстро выйти из себя и начать истерить. Не мог порой воспринять, как делать элементарные вещи. Было видно, что он домашний парень, которого выдернули из зоны комфорта. Нужно заметить, что на Серпах его признали вменяемым, и он вернулся в тюрьму. Хоть и не в нашу хату, но мы пробивали за него, больше он особо и не чудил. Акклиматизировался, видать.

Играли так же с новенькими в игры, которые я помнил ещё со времён своей «зелени», но мы были менее жестоки к зелёным. Самой жёсткой у нас была игра на «доверие хаты» или в лётчика. Спрашивали у зелёного, доверяет ли он хате. Отвечали обычно, что да. Раскладывали на полу шахматную доску, ставили шахматы на неё, говорили зелёному забраться на второй ярус шконки, сесть на корточки спиной к шахматам и завязывали глаза. После чего говорили падать спиной назад. Обычно зелёные начинали паниковать и отказываться, но мы угрожающе говорили: «Что хате не доверяешь?», «Раз хате не доверяешь, что мусорскими нас считаешь?» и прочие фразы, дающие понять, что, если он нас не послушает, сладкой жизни в хате ему не будет. Зелёный не выдерживал, отталкивался с криком ногами от шконки и ... падал в метре от пола на растянутое одеяло, которое мы заранее подготовили. Игра обычно была завершающей в «прописке» и заканчивалась радостным смехом зелёного и посиделками с чифиром за дубком.

Петух

Гашенный Артём поехал на приговор и не вернулся, освободившись из зала суда. В хате стало некому убираться. Стукач Саня, приехавший со мной из пресс-хаты, следил за чистотой на дубке, полы и дальняк были за Артёмом. Теперь же, когда тот освободился, нужно было найти замену. «Смотрящего за дубком» Саню на полы бросать¹³⁹ мы не собирались: он своё обещание держал и не ссучил. Среди других сокамерников подходящей кандидатуры тоже не было, в хате уже сложился дружеский коллектив, и напрягать кого-то особо не хотелось.

¹³⁸ Невозможность продолжить диалог в свою пользу

¹³⁹ Бросить на полы – определить на уборку пола

Надо заметить, что полы и дальняк по понятиям помыть не стрёмно, если в хате нет того, кому полагается по жизни¹⁴⁰ этим заниматься. Уборка один из залогов гигиены и чистоты, которые являются одними из арестантских «добродетелей». Но когда есть кому убираться, то смысл напрягаться самим? Поэтому мы подтянули Саню, объяснили ситуацию и пообещав, что вскоре кого-нибудь перетянем в хату на уборку, подписали его на полы. Он ситуацию понял и возражений не было.

Вообще Саня весёлый парняга был, хоть и сука. Когда в камеру заезжали зелёные или арестанты с других хат, то все по традиции представлялись. Когда доходила роль до Санька, он отчеканивал: «Саня,» – после чего делал небольшую паузу и добавлял: «Сука!» Говорил он это с такой интонацией, что мы каждый раз сотрясались всей хатой от смеха.

Раз Саньку пообещали, то нужно было перетягивать кого-то в хату для уборки. Теперь это не составляло особого труда: малолетка была разморожена, Гмырин больше не лютовал, и с ним стало можно найти общий язык без сотрудничества.

Вопросы переводов арестантов решал именно опер. Затянуть в хату телевизор, сходить на православную лекцию или просмотр фильма в класс, который располагался на нашем этаже¹⁴¹ – такие вопросы решались через воспетов¹⁴². Перетянуть кого-то в хату – это решал кум.

На беседу с Гмырином отправили Фаната, он лучше всего находил с ним общий язык, меня Гмырин недолюбливал. Вскоре Рома вернулся в хату.

– Ну что? – мы облепили его с вопросами.

– Всё будет! – довольно ответил Фанат.

С настоящими тюремными петухами до этого я не сталкивался, но много раз слышал, что на малолетке регулярно пользуются их «услугами». В сексуальном плане малолетки те ещё извращенцы. Помимо обычного акта онанизма на дальняке, который называли походом «на сеанс», подростки придумывали всяческие подручные изделия, которые должны были помочь снять неугасающее сексуальное напряжение периода пубертата. Одним из таких изделий была «мамба-шлямба», которая изготавливалась из носка и ваты (которую брали из матраса.) и имитировала искусственную вагину. Вместо презерватива малолетки использовали целлофановый пакет, и при этом ещё верили, что тот защитит от ЗППП¹⁴³.

Мамба-шлямба была ещё вполне безобидным приспособлением. Однажды наш хатный экс-стукач Саша рассказал про «реалистичную» замену женского полового органа, способ изготовления которого он почерпнул, сидя в другой камере. От пластмассовой полулитровой бутылки отрезается горлышко, и в полученную ёмкость засовывается выпаренное сало. Одевается пакетик и ... Ну вы поняли. Ладно, если бы это ограничилось рассказом, но кто-то с хаты предложил сделать данное приспособление, за что Саша принял с усердием. От выпаренного сала стояла жуткая вонь, но, что удивительно, это не помешало некоторым индивидам встать с бутылкой и пакетиками в очередь на дальняк.

Были всяческие специфические термины для сексуальных отношений с петухами, которые я слышал только на малолетке. Например, «хабдыч» означал оральные ласки пальцев на ноге, «бурлявчик» – анилингус. «Чайный пакетик» – мужские яички, «заварить чайный пакетик» – думаю не нужно объяснять, и так всё понятно. «Моргунчик» был, наверное, самым диким извращением – во время этого процесса, петух, моргая, ласкал мужской половой орган своими ресницами. Использовались ли на практике хотя бы половина из этих терминов – не знаю. Но зная безбашенность малолеток – не исключаю.

Многие малолетние поговорки были основаны на гомосексуальных отношениях:

¹⁴⁰ По образу жизни в тюрьме

¹⁴¹ Если телевизора в хате не было

¹⁴² Воспитателей

¹⁴³ Заболеваний, передающихся половым путём

«Обиженных в жопу еб*т!» – в тюрьме слово «обиделся» использовалось только по отношению к обиженным. В традиционном значении использовали слово «огорчился».

«Игнорация доводит до педерастии!» – игнорировать другого арестанта считалось непорочным. «Общение – это святое!» – говорили в тюрьме, и нельзя было проигнорировать чью-то фразу или вопрос. Ответ нужно дать обязательно: либо предупредить, что ты не в настроении общаться, либо не считаешь правильным вести разговор на эту тему. Щемят на общение мусора, и уподобляться им арестанту не подобает.

«Кишкоблудство доводит до попоё*ства!» – обжорство или как его называли в тюрьме, кишкоблудство, было пороком по понятным причинам. В неволе вдоволь редко наедаешься, и приходится делить еду с другими арестантами, поэтому тяга к излишнему употреблению пищи могла выйти боком. Данная поговорка, в отличие от предыдущей, была вполне обоснованной. Бывало, что на лагерях от голода некоторые становились педерастами ради дополнительного пайка, и арестанту считалось неподобающим быть зависимым от желудка. А уж тем более объедать хату.

Были и подколы на мужеложские темы.

– А ты на свободе пьяный в жопу дрался? – спросит кто-нибудь у новенького.

Ничего не ожидавший новичок, особенно не отличавшийся быстрой сообразительностью, часто с гордостью отвечал, выпятив грудь: «Да, конечно, дрался!» – за что в лучшем случае подвергался осмеиванию со стороны хаты. Если проявит слабость, то могут и совсем сожрать.

Или тихонько спросят у зелёного: «На мой хочешь?». А ему слышится как «домой», и он может дать утвердительный ответ. Но такая шутка на самой грани, и за это могли разбить голову. В нашей хате мы подобные приколы сразу пресекали и могли ещё и всечь за такие шутки. Дом и семья – святое, и затрагивать это нельзя.

Вот так на малолетке и жили. На шутках, прибаутках и характере. Верно говорил зек с Петровки: «Не верь, не бойся, не проси!».

Вскоре к нам в хату заехал петух с семёрок. Погоняло у него было – Дух. Наглый п*дор, надо сказать. Мы сразу объяснили ему положняк¹⁴⁴ в хате: будет вовремя и тщательно убираться, знать своё место – будет жить нормально, разумеется в рамках своего статуса. Под «нормальным жильём» подразумевался сон на «острове», питание у себя на шконке, отсутствие избиений. Будет ох*евать – загоним под шконку, где и будет спать на одном матрасе, а ходить по хате ему придётся ниже дубка, не поднимая головы. На малолетке были такие правила: если петух в людской хате, то голову он не должен поднимать выше стола, а передвигаться всегда на карачках.

Надо отметить, что такое отношение к педерастам и обиженным на тюрьме считается беспределом. Когда Рамзан смотрел за малолеткой, он ходил по прогулочным дворикам и говорил: «П*доров по беспределу не еб*те! Только по взаимному согласию. Захотелось если, то дайте ему сгущёночки, цветочков, без грева – беспредел и гомосятина!». Под гомосятиной он имел в виду то, что если зек заходит к петуху и не приносит ему какой-либо грев, то можно задаться вопросом, а не по любви ли он туда ходит? На взросляке походы к педерастам не пользовались поощрением, и их услугами пользовались в основном пересидки со сроками от десяти лет, не имеющие жён, ездящих на длительные свидания. По понятиям арестант, пользующийся услугами петуха, не мог идти по воровской жизни и тем более стать вором.

Но заветы Рамзана малолетка игнорировала. П*доров еб*ли только в путь, не спрашивая их разрешения и тем более не подгоняя им после акта гомосексуального соития какой-либо грев. Часто бывало, что в людскую хату заезжал гашенный или обиженный, а выезжал оттуда уже «рабочим», то есть используемым педерастом. Неоднократно слышал истории, что

¹⁴⁴ Либо положенное, либо установку, порядки. В данном контексте имеются в виду порядки в камере

на малолетке п*доров трахали не только поодиночке, но и вдвоём, и «вертолётом» прямо на пятаке перед тормозами: один в жопу, другой в рот и еще двое в руки. Мерзость.

У нас в хате такого не было. Был гашенный Артём, но никто его не склонял к сексуальному контакту. Когда заехал Дух, то первое время драил только полы и дальняк, под хвост его никто не использовал. Пока к нам не заехал Бахарик.

Бахарик был детдомовцем. Он с четырнадцати лет начал тюремную карьеру, загремев первый раз под следствие за кражу. Тогда отделался небольшим сроком, отбытым в СИЗО, не успев доехать до зоны. Второй раз загремел уже за грабёж. Тогда я уже сидел на центральной, и слышал про него. Одно время он даже смотрел за котлом, ещё до того, как я заехал в тюрьму. В то время, когда я был в пресс-хате, Бахарик уехал на зону в Курскую область, откуда и освобождился по концу срока. Пробыв всего неделю на свободе, Бахарик снова совершил преступление и отправился в тюрьму, заехав к нам в 608. В этот раз он решил подрезать¹⁴⁵ у незнакомой девушки на улице сумочку, а та послала его на три буквы. Детдомовец, будучи под кайфом¹⁴⁶, выхватил нож и нанёс ей девять ножевых в пузо. Девушке было всего девятнадцать лет, скончалась на месте.

Заехав в хату, Бахарик сразу курсанул¹⁴⁷, что на зоне вступил в актив¹⁴⁸, но по головам не ходил¹⁴⁹. Пояснил, что бл*дского и гадского за ним нет, и он будет решать за себя вопрос через воров. Мамука Гальский с централа уже уехал, а так как на малолетке не было мобильных телефонов, то решение вопроса могло затянуться. Но вопрос есть вопрос, самовольно чужую судьбу решать мы были не в праве, и поставили его под выяснение. Быть под вопросом означало питаться на отдельной посуде (но за дубком есть ему разрешалось) и в хате ничем не заниматься. К общим делам его не подпускали, но и не за что было его сбрасывать на полы, сначала нужно узнать, как он двигался на зоне.

А Дух, как я уже говорил, наглым был п*дором. То не уберётся, то огрызнётся. Тут я уже не выдерживал, снимал с ноги сланец¹⁵⁰, и лупил ему тапком по харе. Руками петухов трогать нельзя, ногами тоже не за что – не гад же. Вот и хреначил ему сланцами по его наглой духовской роже. А в наказание заставляли его «жить как полагается», пока не исправится: спать под шконкой, ходить ниже дубка и не забывать про своё место.

Бахарик, заехав к нам в хату, сначала присматривался. Потом увидев, как Дух выводит нас на нервяк, повёл п*дора в «танчик». Первые этажи двухъярусной шконки часто занавешивали одеялами, играя там в карты или просто на время сна. Занавешенный шконарь и назывался танком. Туда и увёл его Бахарик для половых утех. Вот тогда Дух начал жить полной жизнью педераста. Бахарик водил его в танк или на дальняк по три раза на дню, заставлял его разрабатывать жопу морковкой и делать прочие мерзости, о которых даже писать не хочется. Однажды Дух делал ему в танке минет несколько часов, пока Бахарик ждал появления на музыкальном канале его любимого клипа «Знаешь ли ты?» певицы МакСим, чтобы закончить под него этот содомистский процесс. В другой раз Бахарик отправил Духа разрабатывать жопу морковкой, а этот идиот (Дух, хотя идиоты были оба) сел, и начать заниматься этим прямо под ТВ¹⁵¹, на котором стояли иконы. Я налетел на него за это и, избив ногами, прогнал драить дальняк.

¹⁴⁵ Украсть, позаимствовать

¹⁴⁶ Наркотиками

¹⁴⁷ Поставил в известность

¹⁴⁸ Самодеятельные организации осужденных

¹⁴⁹ Не причинял вред другим арестантам

¹⁵⁰ Резиновый тапок-шлёпок.

¹⁵¹ В данном контексте имеется в виду железный настенный шкафчик, в котором хранили продукты питания. Он, как и телевизор, назывался «ТВ»

Однажды к нам в хату заехал парнишка с Егорьевского централа по погонялу Седой. Седой был настолько пропитый, что выглядел на все сорок, несмотря на несовершеннолетний возраст. Он весь был в партаках, на пальцах обеих кистей были перстни, на предплечьях аббревиатуры. Седой сразу стал моей «промокашкой»¹⁵². Ему было всё равно, что на нём наколят и где, главное «чтобы не стрёмное». И я начал забивать ему руки. Так как бил першнёй, это был очень долгий процесс, но я кайфовал от возможности такой практики. Обычно меня просили набить перстни или всякие надписи, а тут уже можно было лупить целые рисунки, Седому было пофиг. Сам Седой, видимо в следствии алкоголизма, был диким раздолбаем, его нельзя было подпустить к каким-либо серьезным делам, и мы держали его на шнифтах, хотя он и там умудрялся накосячить. То переиначит цепь, то пропустит какой звук. Но сам он был дикий весельчак, постоянно нас смешил, поэтому это ему прощалось

¹⁵² Человек, позволяющий тренироваться на себе татуировщику

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.